

ФЭНТЕЗИ
МАГИЯ

Владимир Поселягин

БЕЙ ПЕРВЫМ

Владимир Геннадьевич Поселягин
Русич. Бей первым
Серия «Русич», книга 1
Серия «Фэнтези-магия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39156245

Русич. Бей первым: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-113134-0

Аннотация

Характер у Марка Геннадиевича Бестужева предполагал, что не нужно дожидаться, пока неприятности придут к нему. На все угрозы один ответ – всегда бей первым!

И этот принцип придется к месту, когда он окажется во времена Средней Руси на территории Московского княжества в пятнадцатом веке. Разбойники, нападения ордынцев и другие превратности судьбы – вот что его ждёт.

Но одно Марк знал точно: нужно всегда бить первым!

Владимир Поселягин

Русич. Бей первым

© Владимир Поселягин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Очнулся я от тупой ноющей боли. Причём никак сразу не мог понять, что именно болит. Но потом, подняв левую руку, вторая была чем-то прижата или связана, видимо к койке привязали, и коснувшись головы, чуть не взвыл. Теперь боль ощущалась лучше, ныла всё же голова. Однако ничего себе банальный аппендицит, как мне сообщил дежурный врач приёмного отделения, куда меня привезли на «скорой». А так всё хорошо начиналось, только приехал в офис и занялся бумагами по договорам, что сегодня требуется подписать, как меня скрутило болью, потом больница и анестезиолог в операционной, что зачем-то махал перед моим лицом пальцами, велел считать. Не успел досчитать, как темнота и последующее осознание себя с этой болью. Чего они там ещё сделали, мясники чёртовы? У меня живот и бок болели, а не голова. Неужели с препаратами напутали? Да нет, вряд ли. Меня же в Склиф привезли, он был ближе всего, а тут опытные врачи, попусту наговаривать на них не стоит, это я так,

по-стариковски брюзжу.

Что меня привлекло, так это чириканье птичек, где-то рядом долбился дятел, и кукушка свой отсчёт начала, шумел ветер в листве, вот явно рядом прожужжал шмель. Ещё было слышно множественное жужжание мух, но как-то фоном оно шло. Я даже поразился, молодцы врачи, звуки леса включили в операционной, чтобы вот так в гармонии проводить операцию. Или я уже в палате? Или где там? В реанимации? Не знаю, до этого мне анестезию всего дважды делали, да и то при посещении стоматолога, местную, это была первая операция в моей жизни.

Тут мне наконец удалось приоткрыть один глаз, второй не открывался, кажется чем-то заляпан был, да и тактильные ощущения только-только начали возвращаться, поэтому когда я открыл левый глаз и при сумерках осмотрелся, то даже отшатнулся. Точнее, попытался это сделать. И почти сразу на меня навалилось всё. И голова запульсировала больше, что даже круги перед глазами пошли, при осознании, что я не в операционной, да и вообще не в больнице.

– Похоже, это была моя первая и последняя операция, – пробормотал я отчего-то тонким голоском.

Оказалось, я лежал на правом боку, уткнувшись лбом в широкую, залитую кровью грудь неизвестного мне борода-того мужчины. Этот прообраз Маркса и Энгельса лежал на левом боку, выставив в небо культияпку явно отрубленной руки. От неё кровь стекла и на грудь, и, видимо, от долгого

лежания я приклеился к льняной рубашке неизвестного, посечённой каким-то оружием. Да и теперь понятно, чем правый глаз заляпан. Я когда дёрнулся, то даже треск раздался, отклеился от рубахи неизвестного и осмотрелся. Почти сразу навалилась тяжесть, оказалось, я был погребён под телами, свободны только руки, голова и верхняя часть груди, остальное всё завалено. Судя по тому, что сумрак рассеивался и становилось светлее, было утро. Рядом слышалось визгливое рычание, и, скосив глаз в сторону на движение, заметил стоявший трубой рыжий хвост. Самой лисы было не видно, а вот хвост хорошо. Вот и первые падальщики. Осмотрелся, хотя один глаз плохо помогал, да и слабость не позволяла приподняться на руках, они вроде в порядке. Вроде лежим в овраге, высокие склоны и кустарник по обеим сторонам это явно доказывали. Да, это не плохо прооперированные больные, от которых медики избавлялись, как я подумал ранее, тут что-то другое.

Первый шок я испытал, ещё когда пытался пошевелиться, и, опираясь на уже холодные тела подо мной – много же тут людей побито! – попытался приподняться. Руки не мои. Детские руки, но никак не человека, которому в следующем году должно исполниться полвека ровно. Вот это да, я проверил, пошевелил ими и даже прикусил молодыми зубами кисть правой руки. Больно. О, и строение челюсти и зубов тоже не моё. Непривычно. Сглотнув и сплюнув вязкую слюну, я свободной рукой стал ощупывать себя. Был я факти-

чески раздет, лишь какое-то одеяние, похожее на армейские подштанники на завязках, и всё. Вот на голове нащупал сразу стрельнувшую большую открытую рану. Даже скорее глубокое рассечение с гематомой. Думаю, крови было много, но и только.

Делать нечего, не всё же время тут лежать. Тем более остывающие тела морозили, я больше скажу, судя по наступающей местами желтизне вокруг, сейчас ранняя осень, да и лёгкие облачка пара изо рта доказывали, что она близилась. Чёрт, да я тут замёрзнуть могу, поэтому, несмотря на боли, от которых я дважды чуть не терял сознание, когда перенапрягался, но удерживался на кромке, я стал активно шевелиться, пытаюсь освободиться от наваленных тел, помогая себе также руками. Лисица шугнулась и, отбежав в сторону, стала наблюдать за мной, вылизывая окровавленную мордочку, но я не обращал на неё внимания. Тяжело было, многие тела уже заоченели, не гнулись, но я смог потихоньку, цепляясь руками за другие тела, выползти наружу. Сначала постепенно освободил грудь и живот, потом, приподнявшись, и ноги же. Дальше легче было. На ноги вставать я не стал, а, перелезая по-пластунски через тела, стал отползать в сторону, пока не спустился на старую траву и не попытался встать. Кстати, неизвестные, что побили столько людей, сверху набросали отрубленные конечности, с десятков мне встретилось. Видимо, самое лёгкое напоследок перенесли.

С морозом и холодом я всё же переборщил. Было холодно, но до заморозков явно ещё ой как далеко, иначе мух и шмеля бы не было, я просто в этих телах настолько замёрз, что чуть сам дубака не дал. Упав на крутой склон, я полусидя отдышался и более внимательно осмотрел себя. Благо поднявшееся выше солнце лучше осветило овраг. Ну да, пациентёнок, так, навскидку, возраст не скажу, но лет десять, не думаю, что сильно ошибусь. На мне были только одни подштанники, что были до колен, и всё, сам я, кроме раны на голове и множества царапин, никаких повреждений не имел, но заляпан кровью был с ног до головы, к которой прилип разный сор из леса. Да уж, чудище. Но лежать не стоит, нужна помощь, нужно к людям выбираться.

Думаю, все эти люди были побиты на дороге, иначе к чему их прятать? Большая часть тел раздета, но имелись те, у кого детали одежды сохранились, особо у порубленных. У двоих торчали обломки стрел, я по древкам понял. Судя по поломанным кустам, сбрасывали тела с левого склона, значит, дорога там и мне туда нужно. Меня, конечно, озадачило то, что одежда домотканая, явно ручного пошива. Если уж сподобился в чужое тело попасть, то, возможно, и смещение во времени тут имеется. Видимо, случилось моё увлечение. Об этом попозже, есть что рассказать. Мне пришлось, пошатываясь – больше знакомясь с новым телом, учась управлять им, да и рана на голове давала о себе знать, – пройти по дну оврага в сторону. Там найдя более пологий участок склона,

цепляясь за траву и длинные ветви кустарника, я смог подняться наверх. Продравшись через кустарник, я и ста метров не прошёл, как вывалился на обочину явного тракта, проходящего по лесу. Стоял, шатаясь, и осматривался, всё плыло перед глазами. Дорога изрядно побита была тележными колёсами, но широка, метров двадцать от опушки с обеих сторон. На дороге было пусто, но чуткий слух уловил вдали множество скрипов, всхрапывание лошадей и перестук колёс, так что я поспешил укрыться на опушке. И да, на дороге я так и не обнаружил следов боя. Если бандиты тут напали, то им хватило мозгов как можно тщательнее прибраться за собой. Если вообще нападение тут произошло. Укрывшись в лесу, я изучалдвигающиеся повозки, их в основном крупные быки влекли, или волами их правильно называть? Не знаю, но были и лошади, только мелкие какие-то. Я понял, что это всё же люди, не эльфы, и, вывалившись из-за дерева, под крики возниц, что меня рассмотрели, буквально рухнул у колёс ближайшей повозки. Тут возница, бросив поводья и воя от страха на одной ноте, вскочив на ноги на повозке, размахивал топором, отбиваясь от кого-то невидимого. Причём что-то орал о духах леса, кикиморах, леших и остальной нечисти. Я даже подивиться успел, что хорошо понимаю его, и под топот множества людей, что бежали к нам, при этом успел приподняться на одной руке и, вытянув руку, указать в глубину леса, откуда пришёл, и на этом всё, силы наконец оставили меня, и я потерял сознание. Надеюсь, я вышел к

тем людям, коим можно было доверять.

* * *

Полтора года спустя.

Окраина леса у деревни Заболотной *и у стоящего на тракте большого постоянного двора*

Мой лёгкий бег не остановила даже упавшая лесина, через которую с ходу перемахнул, и, выбежав на тропинку, которой пользуются жители деревни, чтобы собирать в лесу хворост, выскочил на опушку леса, на миг остановился и с удовольствием осмотрелся. Май месяц, всё цветёт и зеленеет, как не радоваться буйству зелени? Всё уже просохло и почти согрелось, хотя до ночёвок в лесу у меня пока и не доходило. Поле тут было небольшое, вспашка ещё только начиналась, вдали виднелись крытые соломой крыши деревеньки о семи дворах, а правее у тракта – крытые дранкой крыши постоянного двора, где я и проживал эти полтора года, когда осознал себя в теле этого мальчишки, в коем так неожиданно оказался. Заметил, что на территорию двора втягиваются повозки очередного каравана – скоро вечер, на ночёвку у нас купцы остановиться явно собираются, так что немедленно я рванул к постоянному двору. При мне было две заячьи тушки и ещё одна тетерева, связкой висели на поясе. Сейчас сдам их поварихе нашей, и потом на конюшню, где я как бы числился всё это время помощником конюха. Именно как бы числил-

ся, так как в основное время, по договорённости с хозяином постоянного двора Андреем Евсеевичем, я занимался добычей свежей убоины, чтобы домашнюю живность пореже забивать. То есть прибыток с моим появлением у него был, тот это сам признавал, экономия в домашней живности присутствовала. Ну, а когда свободное время было, на конюшне я всё же помогал, лишние руки тоже нужны были, тем более я довольно знатным лошаадником был, ещё по прошлой жизни. Думаю, пока я бегу по тропинке к постоялому двору, стоит описать, что и как было. Да и вообще, где я оказался и кем был в прошлой жизни. Должен сказать, видимо тут судьба постаралась, были причины так думать. Хотя я как раз об этом не мечтал, мысли иногда были, но до идеи фикс, как у других, не доходило. Я был очень практичным человеком и в переселение душ не верил. Раньше не верил.

В прошлой жизни меня звали Марком. Марк Геннадьевич Бестужев. Я был сыном олигарха, всамделешним таким, из партийных руководителей, что быстро перешли в другой стан, и остальное что положено. В общем, за пару миллиардов долларов имущество отца заходило. Из-за смерти матери, а виноватым я считал отца, были причины, не хочу об этом говорить, отношения с ним у меня испортились. Я не был тем «золотым мальчиком», как-то не моё, пробовал, но не пошло. Отец пытался вырастить из меня своё подобие, дельца, а я в отказ, и вместо поступления в лучшее заведение Англии пошёл в армию. В элитные войска я не попал, да

и на войнах не бывал, служил в мотострелковом батальоне, что входил отдельным подразделением в штат мотострелковой дивизии. Два года служил, закончил службу младшим сержантом, командиром отделения разведвзвода в батальоне. Хорошо нас натаскивали. И эта служба стала судьбоносной в моём дальнейшем пути. Пусть тогда уже начала греметь Первая чеченская, но на войне, как уже говорил, я не был, однако взводный у меня был из казаков, что проживали у Терека. Увидев как-то у взводного шашку, на стене висела, я загорелся. Вот тот меня и учил полтора года плотно, выкраивая свободнее время, которого у нас, разведчиков, в отличие от других подразделений, было крайне мало, постоянная физнагрузка, марш-броски в полной боевой, занятия «в поле» в любую погоду и всё остальное, но я учился и учился, так что после дембеля поступил в клуб реконструкторов и двадцать девять лет состоял в нём, вплоть до своей смерти в операционной, а я всё же думаю, что не пережил ту операцию. Не знаю, теперь уже и не могу сказать, почему и за что. Именно об этом я и говорил, когда обмолвился о том, что попадание в прошлое было предопределено. Я был сабельником, я больше скажу, я был двуручником, чему учился все эти годы. Учился с наслаждением, без фанатизма и с большой охоткой. Причём у меня явно был природный талант, все это признавали, слишком быстро я постигал новое. Не стоит думать, что я одними только саблями занимался. Нет, лук изучал, хотя профи в нём не стал, как на саблях,

по арбалету стал КМС, да и то потому, что только после армии занялся изучением и спортивными состояниями. Булавы и мечи – это не моё, вот короткая сулица и пика, в них я тоже стал неплохим мастером, как в бою с противником, так и в метании. Ножи – это тоже моя тема. Шпаги и рапиры интересовали. Ещё мой интерес в последние годы занимал кистень. Обычно когда его поминаешь, сразу вспоминаются бандиты с большой дороги или тати, однако нет, кистенями в Древней и Средней Руси пользовались все. Да и что там, небольшая, обычно самодельная гирька и кожаный ремешок в полтора локтя. Небольшая гирька – это сейчас, под мой рост и вес, в прошлой жизни я более крупное изделие использовал. Изучил быстро, за полгода полностью усвоил и последующие три года только повышал мастерство до своего появления тут.

По поводу отца, то тот, уже махнув на меня рукой, понял, что меня не перекуришь, отрезал меня от денег, передал во владение сдыхающую типографию и сказал: «Учись сам зарабатывать, сынок».

Он, наверное, думал, что я погорю и приползу к нему, а если нет, то всё же стану дельцом, а я поступил по-другому. Обратился к знакомым, и те посоветовали одного паренька, что только что окончил университет в сфере бизнеса и финансов, и сделал его директором, убрав старого. Надо сказать, не прогадал и не пожалел. Тот за год из нерентабельного бизнеса сделал вполне уверенно смотрящее в будущее пред-

приятие, а дальше, вкладывая деньги в обновление станков и оборудования, вывел нашу типографию на первое место в столице. Лет десять назад даже пару филиалов открыл, в Питере и Казани. Заказами те завалены были в полной мере. Сам я тоже не драл в три шкуры, мне вполне хватало на жизнь небольших отчислений от дохода. Тем более в Москве я бывал редко, вон только у казаков прожил пять лет, в других странах жил, изучая их боевое искусство. В Японии почти три года прожил, учась у двух разных мастеров. В Китае всего год, не понравилось. Как бы то ни было, но я был доволен жизнью и занимался тем, чем хотел, так что меня с полной уверенностью можно было назвать счастливым человеком. Отец, давно махнувший на меня рукой, женился во второй раз, на модели, у них дочка родилась, тот надеялся на сына, хотел вырастить своё подобие, но появилась прелестная кроха, моя сестричка, Анютой назвали, и, что уж говорить, всеобщая любимица. На момент моей гибели ей шесть лет было. Да, отец меня не пережил, схоронили за два года до того, как я сюда попал. Отец угрозы свои исполнил, я ничего в наследство не получил, что меня отнюдь не опечалило, квартира от мамы осталась, есть типография, хватало. Большая часть ушла сестричке, остальное по его партнёрам да фондам. А я жил своей жизнью, просто жил и занимался тем, чем хотел. Согласно моему завещанию, всё моё имущество перейдёт Ане, так что я особо не печалился, будет кому присмотреть за ней и мачехой, которая, кстати, на пятна-

дцать лет была младше меня.

По поводу попадания в тело Тита, – да, я знал, как звали этого паренька до того, как произошло переселение душ. Что я могу сказать по пребыванию в этом теле? Для начала, я действительно вышел на дорогу к тем, к кому нужно, там шёл купеческий караван, это и помогло мне обустроиться в этом мире, причём так, как меня это устраивало. Я особо не притязательным был. Когда охрана каравана и возница побежали и смогли опознать, что к ним не чудище, а мальчишка из-за деревьев выпал – это было более правильное слово, чем вышел, – то быстро организовались. Кто-то стал приводить меня в чувство, двое охранников побежали вглубь леса, многие успели рассмотреть мой жест, указывающий в сторону, откуда я пришёл. Надо сказать, нашли тела в овраге. Караван простоял там сутки, да чуть позже ещё два подошли, скопившись в этом месте. Люди из них тоже присоединялись к делу, копали общую могилу на опушке да помогали хоронить убитых. В одном из караванов батюшка был, он и отпел их, даже показал, как крест срубить и установить. Всего погибших было сорок шесть. Батюшка мне крестик подарил, я его до сих пор ношу. Сам я к церкви и священникам отношусь не однозначно, были причины их не возлюбить, а вот в Бога с детства верил, мамино воспитание.

Что меня всё же в некоторой степени поразило, это то, что я не только отлично понимал аборигенов, но и говорил на их же языке. Думаю, это остаточная память бывшего тела,

небольшой подарок. Современный русский и тот, что из прошлого, из-за множества непонятных слов всё равно что говорить с украинцем или белорусом, вроде и понятно, а что говорят, неясно, вот и так тут было. Благо из-за подобного подарка влился я в местную жизнь достаточно легко. Караванчики охали и ахали, узнав, что я себя не помню, но многие подтверждали, бывало такое, отшибает память. Общались, пока хоронили погибших. Меня отмыть смогли, повязку на голову наложили, промыв её и присыпав сушёным мхом, он тут за антисептик был, ну и выдали рубаху. Взрослую, ничего детского во всех трёх караванах не было. Но хоть это. Да, и кальсоны отстирал, но полностью от крови не смог, пятна остались, но да ладно, рубаха мне до щиколоток была. Не видно. Я только рубаху выше поднял, до колен, а то я в ней тонул, и ходить было неудобно, как в платье. Мне даже кусок верёвки выдали перепоясаться.

Так вот, когда выяснилось, что я ничего не помню, память отшибло, то особо никто не обращал внимания на мои вопросы, а их хватало. Отвечали спокойно, степенно и довольно подробно. Особенно купец. Весь караван принадлежал одному новгородскому купцу, вот тот, командуя своими работниками, и пообщался со мной. Для начала я попытался узнать, куда попал. Шесть тысяч девятьсот десятый год от сотворения мира – это ещё что такое? А нормальный год не могут сказать. Я уже начал подозревать, что это будущее, аборигены скатились к каменному веку, но потом только про-

яснилось, я через пару дней с испанцем пообщался, хотя и с трудом мы друг друга понимали, но тот пояснил, какое сейчас время по рождению Христову. Тысяча четыреста второй год, конец сентября, последние тёплые денёчки, как я понимал. Находились мы на тракте из Москвы на Великий Новгород, в ста верстах от Москвы и в семидесяти от Твери, недалеко от границы Московского княжества. До Торжка тоже около ста вёрст было. Правил в Москве великий князь Московский и Владимирский Василий Дмитриевич. В принципе остальная информация тоже была мной принята, хотя не думаю, что она вообще пригодится. Купеческие сословия, то, что Новгород – это отдельное княжество, где правит торговый люд, и остальное – это, конечно, интересно, но тогда мне было не до подобной информации. Я пытался осознать, как крупно влетел и что делать дальше. Конечно, погрузиться в эту среду я не против, да какое не против, я очень даже за, но в истории, скажу откровенно, я полный профан. Помнил только, что Куликовская битва уже была. А вообще мы проводили бои, реконструированные, так что многие даты мне были известны, но что сейчас творилось на Руси, для меня тёмный лес. Другие реконструкторы и историю изучали, и мечтали попасть в прошлое, я тоже по их примеру почитывал разные альтернативные книги, однако мой интерес – оружие и его использование, но никак не история. Вот такое вот попадалово.

После похорон караваны разошлись, встречные были,

в Москву двигались, наш в сторону Новгорода, а мне было всё равно, куда ехать. Буквально в десятке километров находился постоянный двор, рядом деревня Заболотная, которая хоть и принадлежала местному боярину, или помещику, но все продукты продавали постоялому двору, что стоял тут же у опушки на въезде с тракта. Вот на этот постоянный двор мы и заехали. Тати, что пограбили караван, с которым ехал паренёк, чьё тело я занял, как ни старались, но все следы убрать не смогли, нашла охрана место нападения, но и только, искать никого не стали. А вот на постоялом дворе меня опознали. Ну, хозяин сразу сказал, видеть видел, что я с коломенскими купцами ехал, но кто такой, без понятия. Зато мальчонку кликнул, на подхвате работал, сын истопника, он и пояснил, что меня зовут Тит. На этом всё. То, что в караване Тит ехал с отцом, парнишке было известно, но кто из каравана им являлся, неизвестно. Точно не один из трёх купцов, иначе взяли бы в свои комнаты, спал Тит на сеновале с охраной каравана, десятком воинов, шестеро было пешими, четверо конными. Повозок было девятнадцать. Двигался караван из Торжка в Коломну через Москву. Вот, в принципе, и всё, что было известно.

Подумав, я решил остаться на этом постоялом дворе, для меня идеальное место проживания, чтобы окончательно влиться в местную среду. Частые появления купцов и разных караванов позволят, общаясь с ними, достаточно быстро освоиться. Тем более караванщики были только рады, не

зная, куда меня пристроить. Вон, купец предлагал идти к нему в слуги, однако я отказался, я воин, какие ещё слуги? В работники на первое время ещё куда ни шло, но и только. В общем, подошёл я к хозяину постоялого двора и попросился к нему в работники, пояснив, что я хороший охотник, это действительно было так, одно из увлечений, а дичь есть дичь, начну пока с силков, а так можно официально меня пристроить в помощники к конюху. У него был уже один помощник, я вторым буду. Ведь проживая у казаков, изучая бой на саблях, я учился бою на коне, срубая ивовые ветки на ходу. Но самое главное то, что я владел шестью языками, есть такое дело, пусть современными, но думаю, с местными пообщаться смогу. А это были немецкий, японский, французский, английский, испанский, и бегло говорил на китайском. При этом умел читать и писать. Надеюсь, и в старорусской письменности свои навыки подниму. Так что хозяин постоялого двора согласился сразу и с охоткой. А проверил мои знания он уже на следующий день, когда я с испанцем из подошедшего каравана пообщался и разобрался наконец, куда попал.

А дальше... а что дальше? Учился я в основном да охотился. Когда Андрей Евсеевич, хозяин постоялого двора, взял меня в работники, то первым делом переодел, забрав подаренную караванщиками рубаху, выдал нормальную одежду моего возраста, деревенские поделились запасами. Вместо обуви поршни, у Тита на удивление подошва оказалась сла-

бо сбитой, то есть босиком мало бегал, постоянно в обуви ходил, а это навевало на размышления, что он не из простых людей, не бедный у него отец был. Крестьяне, что мал, что стар, босиком ходили, только зимой обувь была, да и та са- модельная в основном. Поначалу я на конюшне обживался, Андрей Евсеевич присматривался ко мне, ну а когда понял, что руки у меня растут откуда надо, повозился в кладовке и достал охотничий лук да три стрелы с широкими охотничьи- ми наконечниками. Больше не было. К ним были колчан, ко- томка да ремень с ножом. Это всё померший охотник оста- вил, кабан его подранил, добраться до постоянного двора он смог, да тут и помер от лихоманки. Всё это мне и передали, но временно, в будущем я смогу их отработать в собствен- ность, ну или выкупить. Так что, несмотря на осень, я стал бегать в лес, изучал окрестности и даже смог добыть пона- чалу некоторую дичь, с пяток тетеревов на силки да с деся- ток зайцев. Но становление и признание меня как охотника произошло, когда я косулю подстрелил. Пришлось сбегать за телегой, чтобы привезти её. Так что нормально. Да, за дичь мне всё же платили.

Вот так полтора года я и прожил здесь, о чём ничуть не жалел, даже порадовавшись, что принял такое решение. Об- щаться мне довелось со множеством разных людей, вклю- чая иностранцев. Было четыре испанца, восемнадцать гер- манцев, двадцать два француза и почти шесть десятков ан- гличан, что у нас останавливались. Про свенов, голландцев

и португальцев и не говорю, хотя их и было меньшинство, так что языковые навыки я всё же подтянул в разных языках, в письменности и чтении тоже. Освоился. Андрей Евсеевич грамотным был, помог. Но это ладно, местные дела, сейчас поясню по себе. Для начала я занялся тренировками. Когда рана окончательно зажила и гематома спала, приступил к силовым тренировкам и лёгкой атлетике. Топориком срубил две ровные ветки и ножом сделал небольшие деревянные сабли, можно сказать боккены. Правда, тренировался я всегда в лесу, где и укрыты были обе сабли в схроне, не хотел выносить это всё на достояние общественности, поэтому на постоялом дворе я вёл себя, как и все мальчишки. Ну, кроме разве что зарядки по утрам и обливания холодной водой для закаливания. Вот это выбивалось из общего поведения, но к подобным заскокам уже давно привыкли.

Вот так я и прожил эти полтора года тут, зимой, когда выюга снаружи, жил в общем здании в чулане, тут тепло, тренировался на сеновале, работал и вживался в местную жизнь. Надо сказать, что Тита раньше тоже тренировали бою, думаю, на мечах, некоторые группы мышц специфично развиты, но у меня к другому оружию было предпочтение, и я тренировался по совершенно другим методикам, развивая мышцы других групп. Надо сказать, за полтора года я неплохо себя развил, конечно до стандартов прошлого тела не дотягивал, да и как, мне тут двенадцать лет всего, но уже вёл бой на деревянных саблях в течение часа. Правда, потом

падал где стоял, мокрый от пота. Однако и это уже немалый прогресс, вес сабель, благодаря утяжелениям из свинца, сродни настоящим был, а это немало значило. Тем более в первые дни я и пяти минут не смог выдержать подобного темпа. Ещё в первый день освоения на постоялом дворе я выпросил у конюха небольшую гирьку кистеня, кожаный ремень и так нашёл в лошадиной упряжи, и тренировался. Я тогда ещё учился координации нового тела, потом выкупил лук и кистень, тот и сейчас при мне был, не раз пригождался, я с помощью него даже охотился. По весу тот как раз для меня был. А так за это время лук я уже выкупил, прошлые стрелы мной утеряны были, но наконечники сохранил, а древки новые вырезал, сейчас их у меня в колчане за спиной с два десятка. Нож охотничий на поясе, и небольшой обеденный. Ложка деревянная имелась, но она в котомке, где также лежал бурдюк с водой и остатки от обеда, что я брал с собой, уходя рано утром, до того как солнце встало, на охоту. Иностранцы зайцев любили, заказывали с охоткой. Да и я как повар, или как сведущий в кулинарии, имел некоторый авторитет у местных, научил нашу повариху готовить плов с зайчатиной или бараниной, настоящий, благо всё что нужно мы смогли купить у караванщиков. Ну, и майонез научил делать, приправа тоже как раз в тему для многих блюд была, иностранцы вон пытались выделать и выкупить секрет, но Андрей Евсеевич стоял как скала, он на этом хорошо зарабатывал, зачем ему конкурентов плодить? Хотя вроде всё же он

продал секреты, но за хорошие деньги. Точно не знаю, слухи от дворни. Главное, тот исполняет свой договор, за секреты кулинарии кормят меня хорошо и с мясом, моему растущему организму это нужно, так что я не в претензии.

Закончить воспоминания и дойти до тына постоянного двора я не успел, уже хорошо было видно все сучки потемневших от времени брёвен частокола, когда раздались вопли и из калитки, что выходила в сторону деревни, стали выбегать люди, да и на тракте было заметно какое-то движение. Среди бегущих людей – большая часть мне были незнакомы, видимо караванщики – я рассмотрел богатырскую фигуру Андрея Евсеевича, что закричал, увидев меня:

– Беги! Поганые!

Немедля я развернулся и рванул к опушке. Тут метров семьдесят было. Проигнорировав тропинку, по которой я бежал до этого рядом с опушкой, тут было с полкилометра до того места, где я вышел из леса, сразу рванул в укрытие. Что такое татары, мне было хорошо известно по рассказам, зимой делать нечего, особенно если какой санный караван пурга застанет в пути и он пережидает непогоду у нас, так обо всем пообщаться успевают, знай слушай. А слушать я умел. Местные земли, включая те, где стояли деревенька и постоянный двор, принадлежали боярину Лихову. Тот легко сдал место для постройки постоянного двора, в арендованные земли также входил небольшой огород за тыном, по которому мы сейчас и бежали, уже не обращая внимания на тропинку.

Никаких злаков тут не сажали, морковь, капуста побольше, репа была, брюква да лук с чесноком, остальное всё закупали у крестьян Заболотной или других деревень. Хотя ближайшая была километрах в пятнадцати, уже на землях Тверского княжества. Рабочие нашего постоянного двора уже успели тут сохой вспахать, этим дед Кузьма занимался, наш конюх, да посадить лук успели всего несколько грядок, но они в стороне остались, не затоптали, когда к лесу рванули.

Сам я, летя как ветер, ничего не бросил, не имею привычку бросать, тем более своё. Пусть и временно, пока повари-хе не передам. Она, кстати, тоже была среди тех, кто к лесу рвался, добрая тётка, надо бы помочь, а то в скорости она всё же уступала более молодым. Бежалось легко, на ногах были, предмет моей гордости, хорошие и качественные сапоги до колен. Пусть размер был чуть больше, но портянки отлично нивелировали эту проблему, несмотря на то что сапоги я купил месяц назад у первых караванщиков, что пошли после того, как дороги просохли, практически потратив все свои накопления, но я нисколько об этом не жалел. Обувка, правда, не имела левую или правую сторону, тут так шили, но я уже разносил их и привык к сапогам. Они были сделаны из тонкой кожи, чёрным цветом крашены, с хорошей подмёткой и небольшим каблуком, то есть можно и верхом в них ездить. Также на мне были широкие штаны, бежать не мешали, серого цвета, рубаха тоже не яркая, серая, сверху тёмно-зелёная безрукавка, утеплённая конским волосом, всё же рано

утром уходил, а холодило хорошо. Про котомку с мелочами на боку я уже говорил. Раньше на длинном ремне бурдюк висел, что заменял мне фляжку, но я его в котомку убрал. Вот так и получалось, что веса, кроме дичи, особо не было, ну разве что ножи да лук со стрелами, нормально бежалось, несмотря на то что сапоги тонули в пашне по щиколотку. Да и неглубокая пашня была, что с деревянной сохи возьмёшь? Вот и я о том же.

У меня и мысли, почему я бегу, имея лук и стрелы, не возникало. Типа развернись и прикрой паническое бегство. Нет, я думал о другом. На опушке можно легко укрыться за деревом и прикрыть беглецов, но не в открытом поле. Быстро расстреляют такого стрелка. Так что бежал я не абы куда, а к присмотренному дереву, вот там уже можно будет развернуться. А то время, что нам необходимо, дали охранники из каравана, держа оборону в воротах постоялого двора. Продержитесь, парни, хотя бы ещё минуту, тогда все успеют уйти в лес.

Мельком обернувшись, я заметил, как из-за тына вылетает несколько всадников с рыжими лисьими шапками, непонятно, то ли пятеро, то ли семеро их было. Да ещё у деревни носились всадники. Там, похоже, уйти никто не успел. Ну, кроме тех, кто в поле работал. У этих лес близко. Да ещё по нему уйти нужно. Несмотря на общепринятое мнение, что татары в лесу не любят воевать, что действительно является правдой, это не значит, что они в него не заходят. За рабами

сунутся ещё как.

Наконец вот и он, тот широкий дуб, что мне и нужен. Подбежав к нему, я развернулся, уходя за ствол, снял через голову лук и достал первую стрелу, оперение которой торчало над левым плечом за спиной. Не выбирая стрелы, хотя у меня разные были, включая на уток, лук натянул и, посмотрев на всадников, трое махали над головой арканами, спустил тетиву, и стрела пошла сначала вверх, а потом вниз, поразив всадника в шею. Бить я старался в открытые участки тела, да ещё туда, где можно нанести максимальные повреждения. Этот готов, наконечник широкий был, рана смертельная, так что он стал сползать с седла, выронив лук, из которого целился в меня. Заметили татары мои приготовления. Я же уже доставал вторую стрелу и пустил её следом за товаркой, только целью был другой всадник. Опытный, зараза, прикрылся круглым щитом и отбил стрелу. В это время с шумом и хрустом поломанных кустов в лес наконец вломились первые беглецы, всё же у меня была фора, а я пустил третью и четвертую стрелу, сразив ещё одного всадника, третьего прикрыл щитом напарник, тот самый, что уже отбивал мою стрелу, направленную в него. Заметив, что единственный оставшийся лучник выстрелил в меня, второй убитый тоже из лучников был, я поспешил укрыться за стволом дуба, и сразу же после удара стрелы в ствол выглянул и пустил свою стрелу. Есть. Целился я не в лучника, хотя стоило бы, а в одного из татар, который заарканил-таки бабу Прошу, на-

шу повариху. Во даёт, пока я прятался за стволом, остальные тоже луки достали и уже не давали мне выглянуть, против четырёх лучников я не плясал, она с прижатыми к телу руками, как мощный тягач, тащила лошадь с убитым всадником за собой. Тот упал на гриву со стрелой в глазу и падать на землю не спешил.

Рискнув прикрыть бабу Прошу – ей бы не дали уйти, – я слегка отступил от дерева назад, заметив, что один всадник стал обходить меня сбоку по грядкам с луком, там мёртвой зоны нет, сразу снимет, и я выстрелил по нему. Не по всаднику, он щитом прикрывался, а в круп коня, отчего тот взбрыкнул и сбросил всадника. После этого ещё дважды пустил стрелы, стреляя в коней, ранил, а последний всадник просто ускакал за тын, решив не рисковать своим четвероногим другом. Баба Проша вломила в кустарник метрах в двадцати от меня, так что я рванул на перехват. Едва ушёл, сбивая листья и мелкие ветки, мимо прошелестело две стрелы, это те всадники, которых я заземлил, встав во весь рост, стреляли по мне, третий никак подняться не мог, коня убил, и тот придавил его, да поздно, дальше ветки не дадут, вот так я и ушёл. А повариху нашу догнать нужно обязательно, убитый татарин и все его имущество – это мои законные трофеи, взятые в бою, тут такие правила признают все, включая князей.

Еле догнал, сам удивляюсь, но пёрла та в испуге аки танк, сквозь кустарник ломилась, оставляя заметную проре-

ху, только деревья обходила. Ладно, аркан к луке седла был привязан, иначе я бы без трофеев остался. Во время этого забега всадник выпал и застрял в кустарнике ногами кверху, я заметил где, но повариху всё же остановил.

— Это я, баб Прош, всё, нет татар, успокойся, — смог я наконец ее остановить и, достав бурдюк, дал ей напиться. При стрессе самое то.

Тяжело дыша, она упала на колени, а потом завалилась назад, вытянув ноги и со стоном разминая их. Аркан я уже снял, освободив узел. Резать не стал, верёвка пригодится. И вот так смотал её, закрепил на седле. Осматривать чересседельные сумки пока не стал и, попросив повариху подождать, повел коня за узду обратно, к убитому всаднику, при этом чутко вслушиваясь в звуки леса. То тут, то там по сторонам слышался хруст веток и звуки бегущих людей, но, когда я подошёл к убитому, эти звуки стихли, все, кто мог убежать, уже сделали это, остальных прихватили. Теперь пора заняться трофеями. Давно о них мечтал. А что, я эти полтора года в окрестностях не только охотился, но и бандитов искал, надеялся найти тех, кто на тот караван напал, в котором Тит ехал. Идея грабь награбленное актуальна во все времена, тем более в этом веке подобная добыча вполне официальная, боевые трофеи священны. Вот и собирался поднять своё благосостояние, однако то ли мне не везло, то ли тут поработала залётная банда, но татей я не нашёл. Я не говорю про шестерых недоумков из дальней деревни, что решили пощипать

купчину, двигавшегося в одиночку с двумя телегами всего с тремя охранниками, так там трофеев не было. Пустил со стороны две стрелы и, поразив двух татей, бил насмерть, с остальными увальнями охрана справилась, правда потеряв одного убитым и одного раненым. Им всё и досталось, я даже из леса не выходил, считай с убытком был, стрелы-то не вернул, их охранники забрали, недоумевая, кто ещё тут поработал. Шли они к нашему постоялому двору, вот я и не хотел мелькать, вдруг опознали бы. А сейчас добыча есть добыча.

Есть ещё один момент, о котором стоит упомянуть. Я, конечно, неплохо стрелял из лука, но было видно, что и Тита этому учили, характерные отметины и мозоли на пальцах да хорошо накачанные мышцы предплечий и рук выдавали того с головой. Причём если я был середнячок, тот Тит явно стрелок от природы. Раньше я не умел стрелять на звук, а тут пожалуйста. На дальность стрельбы из моего охотничьего лука я теперь всегда попадал туда, куда хотел. Поначалу для координации, конечно, пришлось изрядно потренироваться, а дальше уже охота давала мне тот опыт, что был необходим. Этим умением, включая знание местной речи, Тит меня и одарил. Есть ещё одна особенность моего теперь организма, о которой стоит упомянуть. Ночью я вижу очень хорошо, то есть даже в полной темноте для меня как сумеречный день, а если включить сюда и отличный слух, то охота по ночам являлась основным моим занятием. Это когда я за крупной дичью ходил, мелочь – это днём. Оттого сегодня и отпрати-

ли меня пораньше, что зайцы нужны. Двух как раз хватает на чан с пловом. Это у нас тут фирменное блюдо. Было. А по поводу такого умения видеть в темноте, так это уже моё личное, я оттого и в разведвзвод попал, что никакого ПНВ не нужно. Хорошо, что оно и тут проявилось, удачно, я был рад этому. Читать ночью, конечно, не смогу, но все детали при необходимости рассмотрю издалека.

Накинув повод на ветку берёзы, пару раз захлестнув, чтобы можно было быстро сдёрнуть при нужде и лошадь сама не отвязалась, подошел к татарину и внимательно осмотрел его. М-да, бедный мне попался, вместо кольчуги стёганный халат, шапку тот потерял где-то раньше, вроде ещё на поле свалилась. Сапожки стоптанные и откровенно каши просили. На халате был ремень с саблей, кривым кинжалом и двумя кошельками, один поменьше для денег, другой, заметно больше, для мелочёвки. Вроде ничего интересного больше не было, даже лука. Разве что колчан со стрелами, причём тот на боку был, потому от падения стрелы не поломались. Правда, они боевые были, для моего лука не подходили, слишком длинные. Но укоротить можно. Сам лук я уже перекинул через голову, тетива спереди наискосок через грудь проходила, а лук за спиной. Так что, присев, я расстегнул ремень и резким движением выдернул его из-под тела. Сразу же вытащив саблю из ножен, я только скривился. Точно бедняк, дрянной металл, думаю, ударить ею посильнее по толстому стволу дерева – обломится, такой рубить только незащищённые тела,

а вот подставлять под удары строго противопоказано. Ещё и тупая, править и точить нужно, зазубрин хватало. Вздохнув, я расстегнул свой ремень и продел в проушины ножен, после чего проверил, как сабля висит на левом боку, она неплоха под правую руку. Кинжал с кошельками я убрал в котомку, туда же и свёрнутый ремень бывшего хозяина. А я не видел смысла менять свой, мой ремень меня полностью устраивал, из толстой свиной кожи, причём с самодельной портупеей, из старых уздечек и ремней сделал, удобно, и пояс не оттягивается. Колчан я тоже снял и прицепил к седлу, где висел небольшой, справный на вид, круглый щит, после чего вернулся к телу и, снимая детали одежды, тщательно обыскал. Многие воины из охраны караванов или дружинники описывали, как после боёв с татарами где только ни находили тайники в одежде. Тут не повезло, нашёл тайник под подкладкой, но пустой, в халате тоже.

Прихватив коня, вполне молодой трёхлетка, я направился обратно. За те десять минут, что я отсутствовал, наша повариха, похоже, пришла в себя, силы к ней вернулись, фляжку мою опустошила до дна, сейчас она стояла у дерева, прислонившись к стволу, и вздрогнула, услышав шум, который я специально издал, подходя ближе.

– Это я, баб Прощ, – подходя, сообщил я. – Трофеи взял. Только по Правде мы их вроде как вместе захватили, я всадника убил, а ты его вместе с лошадей в лес привела... Я предлагаю так, кошель с него тебе, остальное мне, это по спра-

ведливости. Как?

— Да что ты, — отмахнулась она. — Спас от ирода проклятого.

— Так неправильно, — нахмурился я, забирая бурдюк и вешая его на луку коня. — Вот кошель, а я себе ещё добуду. Деньги всяко пригодятся. Я не заглядывал, но на ощупь там что-то есть.

— Ну, хорошо, — она при мне расстегнула кошель и высыпала содержимое на ладонь. Медь в основном, но блестело несколько серебряных чешуек. Хм, а неплохо, корову купить можно на такую сумму.

Баба Проша же завздыхала. Оказалось, она, когда из кухни выбегала, то прихватила большую медную сковороду, довольно дорогую, а когда её заарканили, выронила. Теперь точно утварь нехристям попадёт. Тут тоже стоит объяснить. В такие нашествия жители деревни и постоянного двора собирали самое ценное и уходили в лес, где были оборудованы схроны, в основном в труднопроходимых буреломах, с лошадю туда пройти можно, но трудно, засеки и баррикады нужно убирать. Там и пережидали такие налёты. А тут из-за внезапности нападения ничего прихватить не успели, бежали налегке, главное спастись. Не было предупреждения, видимо татары, их передовые летучие отряды, перехватывали гонцов, чтобы паника не успела разойтись и не попрятали их будущую добычу. Да, тут им повезло, признаю. Ладно хоть у меня деньги не держались, всё тратил на себя. Так что потерь

у меня не было, кроме стрел, всё своё ношу при себе. Ну, и ещё в личном схроне храню, он недалеко, в полукилометре под пеньком на границе болот.

Обихаживая коня, осмотрел его на предмет ран и ссадин, забег через кустарник мог не пройти даром, я замер и прислушался, после чего шикнул на повариху, что тут же сунула кошель куда-то в район необъятной груди и спряталась за дерево.

– Наши, – уверенно сообщил я, продолжая вслушиваться. – Кто-то бежит по лесу. Пойду гляну, кто.

Передав поводья бабе Проше, я быстро отбежал в сторону и встал на пути неизвестного, а узнав знакомый синий сарафан, что мелькнул в листве, негромко свистнул, и Настя, средняя дочка Андрея Евсеевича, радостно подпрыгнув, побежала ко мне, слегка прихрамывая. То ли ногу подвернула, то ли растянула. Так свистеть с переливами умел только я, и все наши об этом знали, поэтому даже не видя меня, та знала, кто сигнал подаёт. Выбежав на открытую местность, та замерла, в испуге глядя на меня, увидела, что я целюсь в неё из лука. Когда щёлкнула тетива, отправляя стрелу в полёт, та только зажмурилась, замерев, а за её спиной, подминая густой кустарник, вывалился татарин со стрелой в глазу. Внимательно прислушавшись и не обнаружив больше чужих, я сказал недовольно:

– Ты бы хоть по сторонам смотрела. Поганого же вела за собой. А если бы он узнал, где наши прячутся, да помощь

привёл?

Открыв один глаз и осмотревшись и обнаружив позади убитого, она взвизгнула и, подбежав, попыталась спрятаться у меня на груди. С учётом того что ей уже было шестнадцать, и на полторы головы выше меня была, смотрелось всё это достаточно смешно. Ничего, слегка успокоив её, стал пояснять, где меня ждёт баба Проша, хотел к ней отправить, на что Настя воскликнула:

– Ой, она ведь меня спасла от неволи! Когда басурманин верёвку кинул, оттолкнула меня, и аркан на неё упал.

На это я откровенно захохотал, но тут же поперхнулся, понял, что стоит соблюдать тишину. А я понять не мог, почему он нашу повариху выбрал? На тела её соблазнился? У меня другого объяснения не было, так как татары предпочитали брать в полон помоложе, и наша баба Проша порог старости уже переступила, полтинник ей было, как и мне в прошлой жизни, а значит, татар не особо интересовала. А тут вон оно что. Ну, молодец старушка.

– Ладно, стой здесь, сейчас трофеи соберу, и вместе пойдём.

Подойдя, я окинул вражину взглядом. Ну точно, тот самый, что благодаря мне коня лишился и потом со вторым неудачником бил из луков мне вслед. Сбор трофеев много времени не занял. Стрелу я потерял, ладно хоть наконечник достать смог, не испачкавшись. Падая, тот сломал древко. А так очередная сабля на поясе, причём заметно прямее, чем

первая, которая имела заметную кривизну, я такие не любил, всю жизнь предпочитая казачьи шашки. Катаны меня тоже не впечатлили, если кто заинтересовался этим вопросом, тот меня поймёт, картонное оружие. Достав клинок, я поморщился уже не так явно, и тут железо так себе, однако получше, чем у первой сабли, заточка нормальная, зазубрины старательно убраны, лишь две свежих было. Надо будет перевесить их, прямую для правой руки, вторую для левой, мне так удобнее. Не став долго раздумывать, я так и сделал, теперь обе сабли висели на поясе. Немного неудобно, нужно будет сшить подвесную систему, я к ней больше привык, но пока и так нормально, терпимо. Кинжал был неплох. Проведя по лезвию пальцем, я довольно ухмыльнулся. Дамаск, к гадалке не ходи, узоры соответствовали. Странно, такой клинок подобному воину по рангу не подходил. Видимо, трофеей. Кинжал я убрал в котомку. Нашёл в сапожке нож, а в подошвах – по золотой монете, и перстень с крупным рубином из каблука выковырял. Это я удачно зашёл. Кошель на вид практически пустой, там едва звенело с пяток медных монет, его тоже снял и убрал в котомку. Из всего кроме сабли моё внимание больше всего привлёк лук, хороший боевой лук, у татар подобные луки из поколения в поколение передаются, если в негодность не приходят. В колчане с три десятка стрел, все с боевыми наконечниками. В отдельном секторе колчана нашёл завёрнутые запасные тетивы. Да, те влаги боялись, так что вещь нужная. На спине у татарина был круг-

лый щит, такой же, как на коне висел, но этот видно, что уже использовался в битвах, зазубрины имел, старательно заделанные, отверстия от стрел. Однако взял, мне всё сгодится. Ещё в небольшом поясном кошеле для мелочёвки я обнаружил шило да кресало с трутом. Больше ничего интересного не было. Пять минут, и я закончил со сбором трофеев. После чего, держа на весу трофейный лук, энергичным шагом направился к бабе Проше, а подходя, окликнул её.

Настя обнялась с нашей поварихой и заплакала у той на груди. Я этот бурный поток слёз переживал в стороне, вернувшись к изучению коня. Да нормально с ним всё, не подкованный, копыта чуть сбиты спереди, это конь так из-под снега пищу добывал, траву, а в остальном норма. Проверил подпругу, уздечку, и уже собрался к сумкам приступить, как наконец обе беглянки привели себя в порядок, и мы направились к схрону. Может, там и не все, караванщики могли бежать до болот, но все наши должны быть именно там. Всё-таки там запасы пищи, их раз в месяц меняют, чтобы свежие были, разные вещи для жилья, пара землянок. Нормальное убежище. А где оно, мне было известно, доверили, прошлым летом мы там припасы меняли не раз.

Шагая следом за обеими женщинами – бабами их окрестить у меня язык не поворачивался, воспитание не то, – я размышлял. А ведь такой шанс редко выпадает. Я собирался своё благосостояние за счёт татей пополнять, выискивая и выбивая из главарей общак, у деревенских банд его точ-

но быть не может, а у крупных, что серьёзно работают, наверняка должен быть. Вот так и землю буду очищать от подобных уродов, и себя не забуду, вполне неплохой план был, да и оставался на будущее, а тут татары. Да это даже лучше, пусть разово, но и за Русь постою, и про себя не забуду. На мой взгляд, отличная идея. Может, хоть сабли себе нормальные подберу на первое время, не ту фигню, что на поясе висела, это самая временная временка, мне кажется, у меня деревянные самоделки крепче будут, чем лезвия этих сабель. Тем более я их на костре прокалил. Хорошие я сабли себе ковал в прошлой жизни, булатные сделал. У нас, у клуба реконструкторов, свои кузнецы были, долгая подготовка, подмастерьем был, учился, и вот выковал. Два года изучал кузнечное мастерство у Михаила, нашего лучшего кузнеца, а это честь, учеников тот неохотно брал, а меня взял. Так что, что, я тут их не сделаю? Тем более наш кузнец тоже повёрнут на старине был, всё по старинке сделано. Ничего, будет время, сделаю, а пока я не о том думаю.

Пока длится это нашествие, вроде в эти времена Тамерлан по Руси прошёлся, про дань, что ранее платили, мне известно точно от аборигенов, хотя пока бросили её платить москвичи, но может, тут просто налёт? Я же только школу заканчивал, после армии куда так и не поступил, и всё моё образование было получено на дому у таких же реконструкторов, как и я. Да и позабылось уже всё, сколько времени всё же прошло. Так что, скорее всего, пора мне покидать Андрея

Евсеевича. Я и так в этом году на всё лето хотел уйти, попутешествовать, на мир посмотреть, себя показать, но договорился, что зиму тут проведу, может, в Коломну загляну, вдруг меня там кто опознает, а тут такая возможность. Поэтому почему бы и нет. Кстати, пару раз к нам заходили караваны из Коломны. Правда, один купец был из-под Коломны, меня не опознал, а вот купец из самого города долго морщил лоб, мол, где-то видел, но так и не смог вспомнить. Обещал, вернувшись к себе, поспрашивать и прислать нам весточку попутным караваном, но пока молчок был, теперь уже и не знаю, может, татары Коломну спалили, кто их знает?

Когда мы подошли к бурелому, дальше была звериная тропа и продвигаться можно только на четвереньках, я остановил женщин, сказав им:

– Вот что, я с ворогом биться ухожу. Может быть, вернусь к зиме, надеюсь, примете. Вот, дичь забирайте, пригодится свежая убоина, ей и двух часов нет.

Саму дичь я уже давно перевесил на луку седла, так что снял её и передал Насте, обнял по очереди обеих, те даже слезу смахнули, но что мне нравится в местных женщинах, и слова не сказали против. Мужчина решил, даже такого возраста, как я, значит, так и будет. Правильное тут воспитание, а то я феминисток терпеть не мог в прошлом мире. Тут с этим проще, с полным их отсутствием. Тем более я успел поставить себя на постоялом дворе, с уважением ко мне обращались, знали бы отчество, уверен, и до этого бы дошло. А

сейчас, перед прощанием найдя в котомке кинжал с первого убитого татарина, тут лезвие попроще было, подарил его бабе Проше, она повариха, без ножа никуда, да и ремень отдал, ей нужнее будет. Та сразу попыталась перепоясаться, но ремень оказался мал, всё же с худосочного татарина снят, пришлось прорезать дополнительную дырочку на самом краю, и тот застегнулся, так что с висевшим на животе кинжалом баба Проша теперь смотрелась настоящей атаманшей. Вот так, обнявшись, мы и попрощались, не знаю, на какое время, возможно навсегда. Перед остальными те за меня извинятся. Я, конечно, тяжело отбрасываю привычное, а к постоянному двору я привык, да привык жить в этом лесу, но стоит подумать о будущем. Например, я собирался в будущем прикупить дом в Москве или в Новгороде, меня оба варианта устраивали, и буду спокойно жить, занимаясь любимым делом, освоением боевого искусства и фехтования.

Служба, спросите вы? А зачем мне это? Я не говорю про защиту Руси, встану за неё, как и все, а я говорю про знамёна князей и разных бояр. Извините, если они до сих пор воюют дедовскими методами, считая, что так правильно и нужно делать, то я на бойню из-за куцых мозгов очередного «полководца», который получил эту должность только из-за предков, не хочу и не пойду. Категорически нет. Конечно, и среди бояр есть знатные воители и воеводы, но попасть к такому под начало – это из разряда сказки. Так что помощь моя Руси будет проста, диверсионные действия путём удар-

отскока, то, чему меня и учили, по-другому я воевать не согласен. Оттого и не хотел никого иметь над собой, чтобы тот мной командовал. Я не пешка, я ферзь, и этим всё сказано. Сейчас же пробегусь до своего схрона, местные туда не суются, боятся, болото, оставлю коня, стреножив, пусть попасётся, вода свежая рядом, а сам бегом к постоянному двору вернусь. Татары и деревню должны были захватить, там даже ограды нет, наверняка и полон есть. Его погонят к обозу, надеюсь освободить их, не чужие всё же люди. Тем более стемнеет скоро, а это уже моё время охоты. Планы у меня такие были. Может, и до основного полона и обоза доберусь, чем чёрт не шутит? Я и пленников освобожу, и про себя не забуду. Трофеи наше всё.

Обе женщины уже скрылись в проходе, там их встречали, я по голосам слышал, видимо всё же поставили пост на тропинке, а сам чуть ли не бегом повёл коня по лесу в сторону схрона. Времени мало, а сделать нужно так много. Надеюсь, успею. В седло взбираться я не стал, не видел нужды. Еще не хватало глаз напороть на ветку или сук. Для быстрой езды по лесу верхом нужен изрядный навык, который я пока не приобрёл, некогда было, да и не на чем. Единственного верхового Андрея Евсеевича мне не давали, самим нужен был. Старший сын хозяина постоянного двора, что год назад вернулся со службы, он московским дружинником был, кисть потерял, коня не доверял никому, сам ездил. Ну, и то, что я этого коня ещё не знал, тоже влияло, мне нужно быстро до-

браться до места, а не объезжать его как новому хозяину. Нет времени норов его усмирять, а тот его имел, я по глазам видел. Была там некоторая хитринка, а также готовность сделать пакость. Знаю я таких коней, сколько повидал за полтора года на конюшне.

За двадцать минут я добрался до места, и это быстро, поверьте мне. Трижды настоящие буреломы обходить приходилось, а однажды и одно озерцо, соединяемое с болотцем. Я в этом озере купаться любил. В этом году, думал, не покупаюсь, с первыми тёплыми денёчками путешествовать двину да пристроюсь к какому каравану добывать дичь или как охранник, лучник всегда пригодится, так что, похоже, в этом озере я так и так не покупаюсь. Хотя посмотрим, мало ли что. Этот лес я знаю, можно сказать родные края, уж он-то меня защитит, так что можно на тракте сесть и отлавливать татар. Если они тут вообще надолго, а не наскоком, как обычно бывает. Это тоже надо будет выяснить, для того обычно «языков» и берут, вот и постараюсь взять. Желательно русского-ворящего, татарского я как раз и не знал.

На месте расседлав коня, я отвёл его к воде, где снял уздечку и спутал передние ноги, верёвки взял в поклаже, благо всё что нужно тут имелось. Дальше тряпочкой отмыл его, пока конь напивался, тот явно испытывал сильную жажду, и оставил его помытого и посвежевшего весело скакать в сторону яркого пятна свежей, уже высокой травы, жаль в поклаже овса нет, но и конь вскормлен на траве, так что ему даже

хорошо. Седло и всё, что было на нём, я сложил чуть в стороне у края камышей, пенёк со схроном был с другой стороны поляны. В пеньке я и спрятал основные трофеи, добытые сегодня. Жаль, в чересседельных сумках было практически пусто. На что мне сейчас два тюка шёлка, что там были и создавали видимость наполненности? Трофейный лук и оба колчана я с некоторым сожалением убрал в пенёк. Мой охотничий мне привычен, а боевой для меня пока сложен, да и куда как тугой. Мне и мой пока едва по силам, несмотря на усиленные тренировки. Я пробовал, долго не могу удерживать в натянутом положении, секунд пять. Понятно, что он и стреляет дальше и стрел в запасе куда больше, но в своём луке я был всё же куда больше уверен. Обе сабли при себе оставил, как и кинжал с лезвием дымчатого дамаска. Ну и котомка на боку. Я разве что свой бурдюк полуторалитровый достал, набрал свежей родниковой воды. После этого немедленно побежал к постоялому двору напрямки, не используя тропинки. Не думаю, что засады могут быть, просто перестраховался.

Есть уже хотелось, всё-таки вечер, а я лишь обедал, да и то всухомятку, а готовить – запас в схроне есть, как и слегка треснутый котелок – времени не было, надеюсь, что в кладовой или на леднике постоялого двора найду. Может, татарва что оставила? Не знаю, на месте погляжу. Жаль, в поклаже на лошади припасов не было. Дорога была лёгкой, и вскоре я оказался на опушке, метрах в ста от того места, где вёл

обстрел нападающих. Я даже отсюда видел тот дуб. Причём стрел не было, ну это и понятно, вещь нужная, забрали, если какое древко и повреждено было, так наконецник ценность имеет. Металл тут на Руси вообще дорог, у татарвы схожая проблема, и его ценили.

Постоялый двор выглядел целым, хотя трупы особо никто не убирал, те даже своих не трогали. В деревне тоже ни огонька, видимо боятся дымами пожарищ вспугнуть местных. Правильная тактика. Соваться ни в деревню, ни на постоялый двор я не стал, не рискнул, тишина полная была, так что, оббежав по лесу огромную поляну, на которой и находились все строения и поле с огородами, я добрался до другой стороны тракта, что нырлял в лес, и осмотрел дорожное покрытие. Да, полон гнали тут. Другую сторону тракта я уже смотрел, там были только следы недавно пришедшего каравана, который так «удачно» попал под атаку татарвы. Ага, значит, добычу гнали в сторону Москвы. Примем это к сведению.

Вот так двигаясь следом за нападающими, которые были связаны по рукам и ногам полоном и двигаться быстро не могли, уже к наступлению темноты я догнал и банду, и тех, кого те взяли в плен. Сначала отсвет костра рассмотрел вдали, а потом уже и подобрался к месту стоянки. Кстати, татары ушли с тракта на старую дорогу, что шла по этому лесу куда-то в сторону большого села. Вроде Выселки оно называлось. Я тут мало ходил, места плохо знаю. Ничего, опре-

делюсь. Стоянка ордынцев находилась всего километрах в двух от тракта, по-пластунски подобрался вплотную, изредка кося взгляд в сторону часового, и осмотрелся. Тут дорожку удобно пересекал глубокий овраг, сюда и согнали полон, почти три десятка человек, а также скатили восемь повозок. Это трофеи, взятые с новгородских купцов, одна телега наша, с постоялого двора. Лошади паслись на небольшой крохотной полянке чуть дальше, там ещё был один часовой. Ещё раз пересчитав ордынцев, я даже удивился, всего семеро. Не думаю, что их десяток был, вот два десятка – это вполне возможно, тут и я поработал, и наверняка охрана купцов кого-то положила, вот и выходит, что нападение для татарвы было довольно тяжёлым, потери большие. Медлить я не стал, те с аппетитом жрали у костра добычу, есть хотелось, и пока не дошло до развлечений, часовой отвлёкся на приказной крик одного из ордынцев и стал ходить среди полонян. Судя по тому, как он поднимал за косы то одну девушку, то другую, выбирал покрасивше. Да там выбора особо и не было, три девчонки всего. Четверо мужиков, или возницы, или из охраны купцов, двое раненых были, с повязками, но, видимо, легко, раз ордынцы их взяли, остальные знакомые из деревни. Из наших с постоялого двора был сын конюха, самого его не было, да дебелая девка, она прибиралась в комнатах, уборка на ней. Остальные, видимо, или спаслись, или пали.

Сначала я сбегал к табуну, он рядом был, где спокойно подкрался к часовому. Ох, и воняло от него, таким же смра-

дом, как и от остальных татар, с которыми мне удавалось сталкиваться, в основном в мёртвом виде пока. Тот, видимо, почувствовал что-то в последний момент, возможно услышал шелест травы, дёрнулся, да поздно, я его огрел по затылку рукояткой кинжала, хорошо достал, сразу рухнул на траву. Быстро связал и вставил кляп, верёвки я заранее заготовил для этого, разоружить не забыл, после чего побежал к лагерю. А там уже вытащили визжащую девчонку, блин, это же малолетка, ей лет двенадцать, Глафирой, помнится, зовут, уже срезали верёвки и задрали сарафан, старший у татар возился с завязками штанов, сняв ремень, когда я возник со спины часового – тот увлёкся наблюдением, за что и поплатился – и одним ударом пронзил его. Часовой успел гортанно вскрикнуть, привлекая внимание, но мне было всё равно, я уже выходил на свет, сабля блестела в крови в отсветах костра, и громко сказал:

– Кто сдастся, оставлю жизнь!

Сам при этом внимательно наблюдал за мимикой татар. Двое сразу засмеялись, сообщая, что я сказал, остальным, вызывая и у них веселье тоже. Убийство мной часового те восприняли как-то легко, даже странно. В общем, те направились ко мне, даже старший, что не стал надевать ремень, а просто достал саблю. Кстати, он единственный, кто нахмурился, с некоторой тревогой глядя, как я иду к ним, держа в каждой руке по сабле. Биться с двуручными тяжело, очень непросто, и тот, видимо, это знал. Да, старший единствен-

ный из татар, кто имел кольчугу, даже с зеркалами, классно смотрится, как мускулатура у качка. Мне не по размеру, но трофей есть трофей. А так я подал голос, только чтобы понять, кто из них знает русский. Это были старший и ещё один в лисьей шапке, что возился у костра, где булькал кипятком чайник. Они тут все в таких шапках были, но у этого ещё и халат был покрасивше.

Они сразу направились ко мне, не предлагая сдаться, видимо за убийство часового решили не брать меня живым. Хотя татары на удивление рациональны, каждый раб стоит денег, а терять их те не любили, но тут был другой случай. Подскочивших двух первыми я встретил в атакующей стойке. Лево́й рукой блокировал удар одного и пробил горло острием сабли второму, после чего, используя инерцию правой руки, плашмя ударил первого по виску под шапкой. Это один из тех, что русский знал, он мне был нужен. Дальше отбил удар сабли третьего и пронзил ему сердце правой рукой. Работал я как машина для забивания скота, один удар – один труп. По факту противников тут для меня не было, может, с луками те и боги, но с саблями, откровенно скажу, так себе. Для галочки натасканные новички. Последним остался старший, что не лез на первые места. С этим я слегка поиграл, тот обливался потом, лицо мокрое было, видимо адреналин резко ударил, да и боялся, это было видно, ну, я и выбил из руки саблю, прижал к шее лезвие правой сабли, та, что левая, из дрянного железа, меня совсем разочаровала. Не, точ-

но, как и большая часть трофеев, на продажу пойдёт. Может, переплавят и что путное сделают?

Встав на колени, старший закрыл глаза, когда я замахнулся. Думал, что я ему голову срублю, молодец, пощады просить не стал, нет, вырубил тем же ударом плашмя, он мне живым нужен, и, достав верёвки, связал, потом добил одного подранка, видимо до сердца не достал, и связал второго русскоговорящего. Только после этого осмотрелся. Стояла полная тишина, лишь Глаша всхлипывала, забившись под ближайшую повозку. Я уверенным голосом спросил:

– Все живы? Никто не пострадал?

– Есть хочется. И пить, – пропищал парнишка из Заболотной, Ваней его звали, на год младше меня был.

– Сейчас всё сделаем. Сразу говорю, все имущество татар моё, взятое с саблей в руке, чему вы были свидетелями, на имущество Андрея Евсеевича и новгородских купцов я не претендую. Понимаю, что на первый взгляд это глупо, но много всего, поэтому и дарю.

Оказалось, среди пленных был и один купец, их двое ехало этим караваном, я так и думал, что тот мужичок с подпалённой бородой – купчина, вид и одежда выдавали это. Дальше я срезал верёвки, и все пленные бросились к крайней подводе, под ней как раз и сидела уже затихшая Глаша, её оттуда мать вытащила, обнимая, обе ревели. А остальные хватили съестное, что было тут разложено на повозке, татары даже гороховую похлёбку прихватили в чане, накрыв крыш-

кой, так что поели хорошо, и хлеб был, и пучки зелёного лука, чеснок, отлично поснедали, и я вместе с ними. Когда все пришли в себя, утолили голод, то пора стало заняться трофеями. Пока освобождённые утаскивали трупы побитых татар подальше, чтобы не смердели да хищников к лагерю не приманивали, я для начала собрал всё оружие, снимая ремни вместе с кошельями. Саблю старшего я сразу после боя поднял, довольно цокая и изучая лезвие. Вот эта сабля другое дело, не дамаск, конечно, или булат, но хороший мастер делал. Так что левую саблю я снял, её место правая заняла, у остальных ордынцев были схожие, и менять я смысла не видел. А на место правую, уже хорошую, и нормальную саблю подвесил. Единственно, надо бы ножны ей поплотнее подобрать, а то уж больно красиво отделаны, не по статусу они мне, да и рукоятку тоже.

После плотного ужина деревенские в основном спать легли, а я, взяв пару мужиков покрепче, сходил за тем часовым, что лежал у табуна, ну и вернулись с ним. Мы отошли чуть в сторону по оврагу, всех трёх сюда притащили, я привел в сознание старшего и стал допрашивать его. Надо сказать, особо тот и не запирался, даже не пришлось проводить первичные методы дознания, вроде пыток. Тот легко выдал ту информацию, что мне была нужна. Не было никакого нашествия. К великому князю Василию прибыли посланники от Золотой Орды, хотя дань не платили уже почти десять лет, после того как территории Орды подверглись нападению Тамерла-

на. Вот и решили вернуть этот обычай, но были отправлены восвояси. С посланниками было пятьсот воинов, охрана, вот их по полусотнями и отправили в окрестности, грабить и разорять. Да уж, тут никто не ожидал такого неожиданного появления татар.

Допрашивал я полусотника, а это был именно полусотник, в одиночку, всех, кто мне помогал, я уже отпустил отдыхать, а сам занимался расспросами, тем более раз пленный так легко идёт на контакт, то почему и нет? Самое интересное тот выдал в конце. Оказалось, тверские решили заплатить ордынцам, чтобы те ближе к осени устроили налёт на московские и владимирские княжества, мол, они со своей стороны подсобят. Оплату ордынцы приняли, это произошло ещё до того, как посланники с князем московским пообщались, и вот сейчас собрались возвращаться. Да, воин знал, где находится сундук с платой и дарами. Там же, где и посланники, у села рядом с городом Дубна, что в Тверском княжестве. Далеко ушли, чтобы москвичей ввести в сомнение, а оттуда в набег пошли. Хитро. Да и тут схитрили, ушли немного в сторону Москвы и на второстепенную свернули, чтобы повернуть обратно по другой дороге. Следы неплохо путают.

Узнав, что посланники будут ждать ещё неделю – этот налёт быстрый был, разорить имения, церкви, похватать что ценное и уходить, – я встал и, не сомневаясь, трижды кольнул остриём новой сабли в горло всех трёх татар. Они мне были уже не нужны. Да, как-то после первых смертей вот так

лицом к лицу я стал это делать всё легче и легче. Кстати, за всю жизнь я впервые убил человека, только попав в это тело. Те двое татей из деревенских были первыми, да и убил я их дистанционно, остальное уже приложилось тут. В общем, понял, что отношусь к смертям довольно спокойно, даже когда совершаю их сам. Вот и тут так же. Задумавшись и планируя дальнейшие шаги, я направился обратно. Со старшего уже всё сняли, кольчугу в том числе, трофеи мои отдельно были сложены, поэтому, вернувшись в лагерь, я не торопился ложиться. Похоже, полусотник рассказал мне правду, не заметил я, чтобы тот врал, это он меня не видел, а я его хорошо рассмотрел и мимику изучил. Тот ведь думал, что я его тоже не вижу, мог корчить рожи, но не корчил, правду сказал. Достойный противник, скажу, характер чувствуется, приятно с таким дело иметь, но тут судьба, сам к нам в набег пошёл. Оттого о его смерти я не жалел... Хм, а сундук с дарами нужно прибрать, пока с посланниками всего полторы сотни осталось, остальные три с половиной в поход ушли. В общем, скраду ночью сундук, как, пока сам не знаю, и спрячу, в будущем всяко пригодится.

Примерную дорогу до места я знаю, доберусь, да и язык до Киева доведёт, как говорится. Единственно, лошадки мои татарские верховые, их не спутаешь, там в табуне их с десятков, сразу приметят, мол, откуда они? Не хотелось бы так привлекать внимание, хотя, похоже, всё же придётся. Да тут не два десятка татар было, как я думал, а полтора, с учётом

потери трёх лошадей и того, что в основном лагере оставили заводных, лошадей было именно столько, сколько и должно. Одиннадцать. Четверых татар я положил, да лошадей побил и поранил, ещё четверых – охранники купцов, из них в живых всего один остался, он тут же связан ранее был, раненых добили и, как я выяснил, сына Андрея Евсеевича тоже. Это он смог зарубить двух татар обычным топором, хотя и пользовался всего одной рукой. Бывший дружинник всё же. Его застали во дворе, тот только за топор и успел схватиться, дворня колкой дров занималась. Да, по поводу остальных воинов этой полусотни. Они разделились. Более крупная группа в три полных десятка отправилась к имению местного боярина, уже наверняка взяли, а полусотник, узнав от разведчиков о купцах, решил на них поживиться, предположив, что возьмёт больше товара, чем в поместье. Рабов и большую часть добычи те планировали в Твери обратить в звонкую монету, им намекнули, что с этим проблем не будет. Я вот тут подумываю, а не тверские ли под татей маскировались, нападая на караван, где ехал Тит? Вполне может быть. Оттого я их и не нашёл.

Вот так взвесив все за и против и решив не медлить, подошёл к повозке, где спал купец, и растолкал его.

– А?! Что?! – задёргался тот.

Выживший охранник с найденным в одной из телег своим оружием бодрствовал, подкидывая веточки в костёр, так что купец меня рассмотрел и успокоился.

– Лошадей со сбруями-сёдлами купить не хочешь? – сделал я ему предложение.

Мне они не нужны, и желательно обратить их в звонкую монету. Да, кстати, татары выгребли все деньги у купцов и пленных, и, соответственно, они теперь в моих трофеях, все кошельки у меня в котомке были, но я уверен был, что купец найдёт, чем расплатиться. Эти хитрованы всегда имеют НЗ, и те их не сдали только потому, что у татар не было времени вдумчиво их допросить. Вот он и спрыгнул с повозки, растярая сонное лицо, и кивнул:

– Интересное предложение, за сколько продашь?

– Уж скидку-то сделаю. Главное, сам найди, чем расплатиться.

– Есть дорогой товар, пищальный порох, целая бочка. Уж она-то стоит всего, что ты продать хочешь. Оружие татар тоже? – с хитринкой уточнил он. Купец в любой ситуации оставался купцом, видел я, как он интересовался кольчугой полусотника.

– Да, оружие продам. Только зачем мне порох, если нет пищалей? – хмыкнул я презрительно.

На самом деле предложение меня очень даже заинтересовало, порох вообще всегда может пригодиться. Да тех же бомбочек наделать. Закажу у кузнеца железных тонкостенных горшков с узким горлышком, или глиняных, или вообще железных трубок. Заклепаю с одной стороны и оставляю место для фитиля с другой. Хорошее оружие в опытных ру-

ках, особенно для толпы или полного строя, а я себя считал в этом опытным. Надеюсь, у купца и фитили есть к бочке.

— Пищали гишпанских немцев у меня есть, — гордо сообщил тот.

Кстати, показать товар лицом он не просил, лошадей, сбруи и оружие татар он уже видел, причём достаточно близко, пока их в полон гнали, видимо по привычке успел оценить. В ящике в мелкой стружке лежало три ружья. Хотя какие это ружья? Трубки, грубо прикрученные к деревяшкам. Тут даже не фитильные, да и замков не было как таковых. Сделаны те были так себе, но одно меня заинтересовало: раструбы на концах стволов намекали на то, что они кавалерийские, чтобы на скаку дробь и порох сыпать в широкую горловину и просыпать поменьше. Хм, а я думал, их позже делать стали, а тут три ружья лежит в ящике, с жуткими неудобными прикладами, что нужно зажимать подмышкой, да и вообще сырые заготовки, а не ружья, так что доказательства передо мной. А приклады я переделаю, да и нормальные кремневые замки установлю. Тут же и пояснил мне купец, как ими пользоваться. Они не кавалерийские оказались, широкие горловины нужны для удобства зарядания. Новшество такое у иностранцев, как мне пытался втереть купец. А использовалось оно так: держа ружьё на самодельной подставке для ствола, это рогатина такая, целясь в противника, нужно достать из жестяной коробки, которую требуется носить на поясе, тлеющий фитиль и прижать к запальному отвер-

стию. После чего происходит выстрел. Жесть. Точно переделаю. А ружья нужно брать все, я посмотрел, выделка, конечно, средненькая, но для этого времени неплохая. Как я уже говорил, усовершенствовать смогу, главное теперь заготовки под ружья на руках.

После долгих торгов я отдал десять лошадей – себе отобрать решил самого лучшего коня, седло уже и так отложил, – всё оружие, включая луки с колчанами, а получил за это пятидесятилитровую бочку с порохом, бухту фитиля и два ружья. На этой цене купец остановился и категорически отказывался пододвинуться. Поражаясь тому, что я выкупаю и так своё имущество – взятое на саблю, пусть и бывшее, язык мой – враг мой, нафига отдал? – пришлось доставать кошель татар, все ценности-то я свои в схроне оставил. Надеюсь, тут хватит на покупку третьего ружья. Хватило. Я же, ссыпав оставшиеся деньги в один из кошель, пробормотал:

– Чтобы я ещё раз взятые трофеи вернул! Да не в жизнь, – и под хмыканье купца, с сожалением, но с намёком сказал: – Эх, жаль, у вас пистолей нет.

– А что это такое? – заинтересовался тот.

– Это короткие такие ружья, за поясом можно носить.

– Как же нет, всё у Артемия Басова есть. Я давненько с гишпанцами торгую.

Повозившись в повозке, он достал ещё один ящик, открыл его и, разворошив опилки, где хранились пистолы, извлёк аж шесть штук. М-да, раритеты. Я даже усмехнулся невольно,

обнаружив, что у двух пистолей такие же раструбы на концах стволах, как и у ружей. Настоящие пиратские пистолеты. Зачем они вообще нужны? За пояс не сунешь, неудобно. А вообще, все пистолы были разными и приводились в действие так же, как и ружья. На прямой колодке без намёка на рукоятку был насажен ствол. Нужно держать эту деревянную колодку на вытянутой руке, целясь в мишень, а другой поднести фитиль к затравочному отверстию. Следует выстрел. Не пистоль, а детский поджиг какой-то. В общем, я разговаривал купца, тот выкупил это оружие как брак у гишпанского кузнеца-оружейника практически по цене металлолома. Видимо, тот пробовал себя в этом направлении, и возможно, я держу в руках первые единицы пистолей в мире. Хотя нет, купец меня разочаровал, они уже имеются в продаже, только немного другие и длиннее. Видимо, тот принял за пистолы короткие карабины. Да и с меня содрал не так и много. Зато пулелейку продал за мизерную цену. А свинца три кило продал по полной цене.

Дальше я поступил так. Привёл коня от табуна, оседлал его и нагрузил ящиками с ружьями, пистолками и фитилём. Свинец и пулелейку не забыл, а вот бочку попросил отвезти на постоялый двор – всё равно завтра поутру все туда двинут – и сдать на хранение хозяину. Тот должен будет вернуться. Пусть хранят до моего возвращения в сухом месте подальше от огня, потом заберу. На этом всё, купец уже спал, умиротворённый проведённой сделкой, а я забрался в седло, и

кряхтевшая от тяжести того, что на неё взгромоздили, невысокая татарская коняшка понесла меня обратно к моему лагерю. Оставив сбоку постоянный двор, он виднелся в ночи, я добрался до схрона, где и спрятал всё огнестрельное оружие. Тут сухо под пеньком, ничего не отсыреет. Специально такое место сухое подбирал, после чего забрал своего коня, первого, и, используя второго как заводного, пусть пока отдохнёт, поскакал в сторону Твери. Будет поворот на Дубну, узнаю, добрые люди подскажут, а вот что следует торопиться, я был уверен, предчувствовал.

Всё же усталость, помноженная на стресс, давала о себе знать, денёк нелёгкий выдался. Хотя какой день? Уже за полночь перевалило давно, вчера всё было. Однако усталость навалилась на меня, и я понял, что нужно отдохнуть. Так что, не успев оставить позади и пяти километров, даже не добрался до границ княжества, хотя тут всего ничего осталось, как остановил лошадей и, взяв их под уздцы, увёл вглубь леса. Там обустроил бивуак, стреножив и обиходив лошадей, как подстилка подошли пропитанные конским потом попоны, и спокойно уснул. Как одеяло я использовал... да одеяло и использовал. Взял его из повозок в лагере, в найденный мешок сложил провизии на дорогу, её на повозке ещё изрядно оставалась. Вот так и уснул, а когда рассвело, меня разбудил далёкий пронзительный крик. Очень жуткий. Похоже, рядом кого-то серьёзно пытали, я просто не мог представить, кто мог издать такой крик в другом случае.

Вскочив, спросонья не понимая, что происходит, я услышал повторный крик, он был протяжнее. Точно пытаются. Вскочив на ноги и быстро надев сапоги – чёрт, забыл сверху накрыть тряпицей, теперь влажные от росы внутри, похоже, поспать я успел часов пять, не более – и глянув на лошадей, – те стояли настороженные, глядя вглубь леса, ещё и уши замерли торчком, – проверил оружие и побежал в ту сторону, откуда доносился крик. Надо же узнать, что происходит. Мало ли и мне может грозить какая опасность, а нет, то помогу хорошим людям. Главное – определиться, с какой стороны хорошие. Так что провести разведку нужно. За лагерь свой я не волновался, он метрах в пятидесяти от тракта, в глубине леса. Не видно его, водопой рядом, лошади сами напьются. Так что норма. А хорошая пробежка выдалась, взбодрила и сонливость прогнала. Оп-па, а это что там за деревьями виднеется?

Увиденное меня изрядно озадачило, я даже не поленился пробежать вокруг большой поляны, даже скорее длинной прогалины вытянутой формы в виде лезвия кинжала. Судя по закопчённым пенькам на опушке, возникла та в результате пожара. Однако увиденное только подтвердилось путём этой длительной визуальной разведки. Тот несчастный уже не кричал, или умер, или отстали от него, но я всё равно задерживаться не стал и по натопанной множеством сапог тропинке побежал дальше вглубь леса. Правда, перед этим поработал на прогалине, оставлять врагов за спиной, я такую

глупость сотворить не собирался. А пока бежал, кстати, возвращаясь к тракту, обдумывал то, что видел на той поляне. Для начала, там было пять десятков татарских верховых коней под сёдлами. Это не группа полусотника, та, что штурмовала поместье Лихова, там меньше было, значит, тут другая банда была. Но татары ладно, тем более мне о них многое известно, при табуне было всего шестеро казанских татар в охране, я легко с ними справился, но заинтересовали меня не они, а совсем другое. Например, два десятка нормальных таких верховых лошадей, тоже осёдланных, и охраняли их двое русских воинов, боевых холопов. Я на них, проживая на постоялом дворе, посмотрелся. Точно они. Эти спокойно играли в кости, в сбруе и оружные, и особо не обращали на татар внимания, как, впрочем, и те на них. Отдельными группками сидели с разных краёв поляны. Вот меня это всё и озадачило. Единственное объяснение, те действовали вместе. А кто был против москвичей, и чья граница находится в нескольких километрах? Именно тверчане, к гадалке не ходи. Оттого и не сомневался, пустил две стрелы, чтобы попасть в незащищенные шеи боевых холопов, жалеть я их не собирался, сами связались с погаными, так получите. Потом пустил третью стрелу в одного из татар, а на четвёртой у меня лопнула тетива на луке, пришлось отбросить его и, выхватывая сабли, бегом броситься к татарам, которые уже вскакивали на ноги, ну и порубил их. Кстати, стрелял я в холопов от них, подкравшись поближе, чтобы, сразу отбросив

лук, атаковать. А что, лук я прихватил с колчаном, когда на разведку побежал. Нужная вещь и, как видите, пригодилась. Жаль, теперь ремонтировать, но, к счастью, в поклаже в лагере запасная тетива у меня имелась, сменю.

Я уже себя в порядок привёл, лезвия сабель от крови протёр, прежде чем убрать их в ножны, и энергичным шагом приблизился к той массе людей, что издавала столько шума дальше по этой явно сегодня натопанной тропинке. Да, не стоит думать, что я шёл по ней, не хватало ещё с кем столкнуться внезапно лицом к лицу. Нет, я рядом с ней шёл, хорясь, и не зря, двое татар пробежали в сторону табуна. Одного я снял броском охотничьего ножа, тяжёлый клинок перерубил позвоночник у основания шеи, в другого метнул саблю – ту, что поплоче. Тут тоже некоторый навык требуется в метании сабель. После этого подошёл и добил. Не думаю, что это была тревожная группа, что могла слышать шум боя, времени для этого много прошло, да и мало их, всего-то двое, скорее всего отправили за кем-то или за чем-то. Да, думаю, это посыльные.

Подкравшись к небольшой поляне, я осмотрелся, и теперь ответы на многие вопросы я получил, мне хватило просто окинуть всё взглядом, чтобы всё прояснилось. На ещё одной поляне, уже небольшой – однако она позволила вместить небольшой купеческий караван, – побитые купцы, возницы и, возможно, кто-то из охраны сидели связанные у телег, под присмотром шести татар. Там у восьми повозок около трёх

десятков человек было, причём в двух связанных я уверенно опознал дружинников московских, по одинаковым одеяниям было видно. Рядом ещё один лежит, видимо раненый, судя по окровавленным тряпкам. Да они все раненые были, но тот тяжело, раз сидеть не мог, а лежал. Среди пленных было двое в богатых одеяниях, также крепко связанных, да ещё, как и у других, кляпы во рту торчали. Бояре, к гадалке не ходи.

А вот то, что происходило на поляне, я могу назвать пытками на дыбе. К высокой берёзе был привязан мужчина в боярских одеяниях, один из русских воинов отбежал от костра и передал главарю кинжал с раскалённым лезвием, что тот стал крутить перед лицом несчастного, что-то с ненавистью шипя ему. Кричать последний не мог, челюсть открыта, видимо вывихнута. Думаю, он да те двое бояр связанных и дружинники – они из одной группы, а купцов просто для комплекта прихватили, ну или как свидетелей. А если татары брали, то для добычи. Как раз в их стиле. Потом узнаю. Так вот, этому неизвестному боярину уже вырвали руки из плечевых суставов, отчего тот корчился в муках, но лишь сипел, закрыть рот не мог. Одеяния у того богатые были, штаны, красные полусапожки, окровавленная рубаха распахнута на груди, чтобы кожу прижигать можно было, кафтан с шапкой под ногами чуть в стороне валялись, точно боярин. А так я вовремя, жечь огнём подвешенного ещё не стали, и похоже, ему собирались выколоть глаз тем кинжалом.

Татары пытками не занимались, мне кажется, у них тут интерес только к повозкам был, и они лишь на подхвате. Пытали двое русичей в богатых боярских одеяниях, сами, видимо были серьёзные претензии к тому несчастному, с ними было шестеро воинов. Хм, я думал, их больше будет, если судить по лошадям на поляне, где остался табун и трупы, однако прикинув всё увиденное, понял, что лишние лошади – это пленённых дворян и служивых. Тогда да, складывается картина. Быстро окинув всё взглядом, я вздохнул, морально готовясь к дальнейшему, всё же шесть боевых холопов, плюс двое бояр, что тоже что-то могут, судя по сабелям в богатых ножнах, да четыре десятка татар, что с немалым интересом наблюдают за пытками. Пятьдесят противников почти, много, но я надеялся. Полтора года подготовки, и мне нужен был тот экзамен, что даст понять, чего я стою. Потому, внутренне собравшись, я раздвинул кусты и вышел на поляну, стараясь делать это максимально шумно, и громко поинтересовался, чтобы всем было слышно:

– А чего это вы тут делаете, а?

В наступившей полной тишине мой вопрос вызвал эффект если не разорвавшейся гранаты, то... да ничего он не вызвал. Обернувшись, один из тверских бояр, видимо старший, мельком глянул на меня и махнул рукой, приказав:

– Взять!

Однако бросились на меня не его боевые холопы, они дальше были, а татары, что сидели на траве, галдя, между

нами. Вот эти повскакивали на ноги и бросились ко мне. Не думаю, что я их всех интересовал, наверняка, по их мнению, мне и пары воинов хватит, чтобы скрутить и связать в полон, остальных наверняка интересовало, откуда я взялся и один ли тут, так что те явно собирались рвануть к табуну, проверить, но чтобы уйти в лес, надо было пройти через меня, что было достаточно сложно. Ещё когда тот боярин из Твери обернулся, осматривая меня, я по одному взгляду понял, что таких врагов за спиной оставлять нельзя, слишком много злобы в глазах, такие ради мести идут на всё, и будут долгими годами искать, пока не найдут. Пример подвешенного боярина перед лицом. Мне надо такие проблемы? Вот и я думаю, что нет. Поэтому ещё до того, как татары побежали ко мне, размахивая саблями, я выдернул из ножен оба ножа, и охотничий и обеденный, и, несмотря на то что дальность броска была запредельной даже для меня, почти тридцать метров, бросил их с обеих рук. Тяжёлый охотничий нож вошёл куда надо, точно в основание черепа старшего из тверских бояр, труп, гарантия, а вот обеденный нож вошёл под челюсть второму, и тот, захлёбываясь кровью, упал. Этот долго кровью истекать будет, если ему не помогут отойти в мир иной. Но может, и выживет, в принципе рана не смертельная была. Старшой, падая с моим кинжалом в затылке, свой кинжал выронил, и там трава начала тлеть от клинка малинового цвета, но мне было уже не до этого.

Я же после броска ножей, – это искусство тоже мне да-

валось как в прошлом теле, так и в этом, тут лишь рефлекс восстановил, а куда нужно попадать я и так умею – выхватил обе сабли и вступил в бой, сразу срубив двух первых подскочивших татар. После чего на бегу спиной вперёд, тоже сложное искусство, отбивался от наседающих ордынцев, свалил ещё троих, после чего вломился в кустарник, и дальше лес мне стал помогать. Иногда деревья я использовал как укрытие, и крутился отчаянно, отбивая удары, сам жалея смертельно. Если бы я остался на поляне, меня, скорее всего, смяли бы массой, а тут шансы были велики. Уже через несколько секунд я дрался в полном окружении, стараясь не споткнуться о трупы, иначе верная смерть, крутясь с такой скоростью, какой сам от себя не ожидал, но успевал отбивать все удары, направленные на меня, и наносил уколы сам, причём выборочно в уязвимые места, чтобы одним уколом или разрезом нанести максимальное повреждение, то есть ударил и забыл. Пару раз по спине всё же прилетало, однако там у меня был круглый щит, взял с убитых татар у табуна, не зря, как видно, подстраховался. С этими двумя ударами всё же поясню. Не всегда мне удавалось парировать удары, были такие моменты, поэтому я старался подставить под них защиту, а это спина, где и был щит. Хорошие удары, меня даже отбрасывало вперёд. Можно сказать, на сабли других. Я только разохотился и окончательно слился с боем. Мы уже вернулись на поляну и продолжили бой здесь, правда два десятка татар остались лежать порубленные в лесу, но

ещё примерно столько же сейчас стояло против меня на поле. Именно тут вдруг со звоном обломилось у рукояти лезвие левой сабли, той, что плохонькая, однако я не растерялся, швырнув в лицо ближайшего ордынца рукоятку, выхватил кинжал и продолжил бой. Конечно, слабая замена полноценной сабле, все же клинок всего сантиметров тридцать длиной, но зато острый, и лезвие из дамаска, так что чёрта с два перерубишь.

То, что татары закончились, для меня стало откровением. С пяток бегом скрылись в лесу за спиной, убегали в сторону табуна, сволочи, а передо мной встал строй из шести русских воинов. Эх, не с вами мне драться нужно, не с вами. О, а татары-то не все убежали, двое осталось, один слева у повозок, и второй справа, припадая на почти отрубленную ногу, возились с луками, уже стрелы накладывали, так что среагировал я сразу. Крутнулся волчком и, используя инерцию и усилив её броском, запустил в полёт кинжал и свою саблю, ту самую, что ранее полусотнику принадлежала. Сабля, долетев до повозок, пробила грудь одного татарина, а кинжал вошёл в горло второму с пораненной мной же ногой. Да тот и так шатался с белым от боли и кровопотери лицом, вот-вот упал бы, так что я, можно сказать, проявил милосердие, добил.

Вот так и получилось, что я предстал перед строем воинов, что выставили щиты перед собой и ошетинились остриями сулиц и мечей, безоружным. Быстро присев, не сводя с них взгляда, я подобрал саблю, что лежала в окровавленной

траве, и, сделав шаг в сторону, подобрал другую. Строй воинов не дрогнул, двигаясь ко мне, а стоял на месте, предлагая атаковать самому. Это сложно, такой строй обычно проби- вался тучей выпущенных стрел или бросков таких же сулиц, как и у них. Кстати, это оружие, короткое копье, что и назы- валось сулица, надо будет потом определить в свои трофеи, очень нужная вещь, в моём арсенале, который я потихонь- ку начал накапливать, обязательно должны быть. Отметив, что те не реагируют на мои движения, я, направляясь к ним, присаживался у того или иного тела убитых или пораненных татар, добывая последних. А я ножи и кинжалы собирал.

Мне так и не помешали, ну а когда я двинул к строю, уже прикинув, как буду его вскрывать, а это мы в клубе ре- конструкторов проходили, у меня в памяти имелись десят- ки способов, как проломить строй и дальше образовать его в свалку, разя противника направо и налево, однако использо- вать я решил дистанционное оружие, метать ножи и кинжа- лы. Воины хмуро и настороженно наблюдали, как я прибли- жаюсь. Какого я уровня сабельник, они уже видели, свиде- телями стали, как я сам себе экзамен сдавал, и, кстати, несмот- ря на то что с десятков татар разбежались, точно ушли, я чут- ко вслушивался в лес, никто не вернулся, не хотелось бы в спину стрелу получить, этот экзамен я сдал. Теперь увидим, как строй развалю и побью этих воинов. И да, я тут подумал, что скорее всего, если возьму их в плен, пусть и поранен- ных, то когда освобожу москвичей, они или потребуют их

казнить, или сами умертвят, так что смерть в бою – это наилучшее из зол для них, и, как мне кажется, некоторые из воёв это понимали, у двоих явная обречённость в глазах была.

Развалить строй действительно удалось быстро и легко. Сначала броски ножей по незащищенным ногам, отчего один осел, а второй выпал из строя, а дальше я закидал их ножами, успев до этого собрать с десятков, а трём оставшимся, один из которых был ранен, не удалось вернуться в общий строй, так что встретили они меня разрозненно. Я старался не подставлять сабли под мечи, для них это смерть, тем более обе сабли отвратительной выделки, оттого приходилось крутиться. Я постарался побыстрее убрать проблему с этими воями, пока ещё адреналин гулял в моей крови. Как пойдёт откат, у меня сил ни на что не будет, у меня такое было после самых интенсивных тренировок, бери голыми руками, оттого я и торопился. А тут куда серьёзнее перенапрягся, чем после тренировок было, так что и откат стоило бы ждать куда более мощный.

Добив последнего воина, я осмотрелся и громко, но без пафоса сказал:

– Хорошие воины, я был горд скрестить с ними сабли!

Дальше медлить я не стал, несмотря на активные шевеления пленных у повозок, что пытались мимикой мне что-то сказать, я сначала добил подранков из татар, тех, что лишились ног или рук, но ещё могли напакостить, не забыл забрать кинжал и свою саблю с кошельями всех мной побитых,

и только потом подбежал и срезал верёвки на руках обоих бояр и одного из дружинников, сунув ему в руки нож, дальше сам остальных освободит. А тут один из бояр, не разминая явно затёкшие руки, с трудом выдернул кляп и хрипло воскликнул:

– Князя, князя сними с дыбы!

– Так это князь? – удивился я.

Однако медлить действительно не стал и со всех ног рванул к дереву. Я и так это собирался сделать, но сейчас спешил серьёзно. Не стоило оставлять несчастного висеть на такой самодельной дыбе, да ещё с вырванными из плечевых суставов руками. Просто я торопился основное сделать, чтобы освободить пленных, и те помогли мне с остальным. Откат ведь вскоре должен быть. Теперь же не до него, адреналин новыми порциями стал поступать в кровь, когда я узнал, что на дыбе был князь, а то за промедление могли и засечь на смерть кнутами, или вместо него подвесить. Спасителя вроде меня, конечно, могли и не тронуть, но не хотелось бы, чтобы в памяти князя остался такой неприятный осадок. А он мог оставаться, тот был в сознании и, несмотря на мусть в глазах и боль, внимательно следил за всем, что происходило вокруг. Также он наблюдал, как я подбежал и срезал на ногах верёвки, что были привязаны к основанию дерева, а потом и рубанул те, что были привязаны к ветке, которую использовали как рычаг для натягивания. Вот князь и стал заваливаться на меня.

К счастью, почти сразу подскочило двое дружинников с одним из бояр, что командовал ими, и перевернули князя, положив его на спину, и освободили таким образом меня. Боярин уж больно суетился не в меру и волновался, спрашивая у дружинников, каково состояние князя. Ответил ему я, с кряхтением вставая с травы:

– Нормально, он на мягкое упал. – Почти сразу я стал командовать правильно поставленным голосом: – Так, слушаем меня. Я знаю, что нужно делать. Принесите небольшую чистую тряпицу вот примерно такого размера и материю длиной метров пять. Ещё воды пару вёдер. Ёмкости найдёте в повозках, я там чан видел, ручей в той стороне. Ещё кого-нибудь отправьте в ту сторону, там табун, проверьте, что с ним.

Раздав указания, я велел дружинникам помочь мне раздеть князя, так было нужно. Это было сложно, с учётом того, что любое движение вывернутых рук причиняло ему мучения, однако тот вытерпел эту нужную экзекуцию, и ком срезанной ножами рубахи был отброшен. Все уже были освобождены из полона, кто с тяжёлыми ранеными возился у повозок, их там трое было, кто убежал в сторону табуна выполнять моё поручение, остальные как подорванные искали воду и материю. Это я о караванщиках говорю, ими второй боярин командовал. Вскоре принесли тряпицы, я выбрал одну почище и присел у обнажённого тела князя, – ему только другую тряпицу на пах накинули, чтобы прикрыть, а то

его полностью раздели. Я стал накручивать края тряпицы на большие пальцы рук. Присевший рядом боярин с любопытством поинтересовался, с тревогой поглядывая на князя, что переводил взгляд с него на меня:

— Это что ты хочешь делать?

— Челюсть сейчас вправлю, а то мне мычание князя непонятно, а так хоть говорить начнёт.

По травматологии и ранам я был гуру, почти три десятка лет в клубе реконструкторов, он был одним из первых, образованных в России, а я стоял у его истоков и был почётным членом. Ситуации разные были, пару раз возникали такие, что требовалась срочная медицинская помощь, а никто в этом не понимал, что привело тогда к беде. Я после этого и поучился у нужных специалистов. Так что я даже в приёмном отделении, если меня там посадить, легко заменю врача-травматолога. Да и личного опыта за такое время набрался изрядного. И вывихи вправлял, и раны зашивал. Я даже заготовил ленты чистой материи вместо бинтов, мешочек сухого мха вместо антисептика, это всё в поклаже в лагере находится, ну и горшочек хлебного вина, закупоренный воском, для дезинфекции ран. Единственно, нити и иглы для штопки ран не было, не имелось возможности приобрести, но теперь, надеюсь, смогу. Я вроде не ранен, хотя покрыт кровью с ног до головы, можно сказать пропитался ею, и вроде чужой, та подсыхать начала, и нигде кровотечения не обнаружил. Только неприятна вся эта кровь, лицо и

руки стягивала, кожа морщилась, когда та подсыхала, очень неприятные ощущения. Сейчас с князем закончу и постараюсь отмыться. И ведь, главное, смены-то у меня нет, а ходить в плохо отстиранной одежде с неотмытыми пятнами крови не очень хорошо. Нет тут таких средств, чтобы подсохшую кровь отмывали, кабы сразу после боя, шанс был бы, а так даже и пытаться не стоит, хотя и попытаюсь.

– А тряпица зачем? – не унимал своё любопытство неизвестный боярин.

– А это чтобы он мне пальцы не откусил. Знаете, кто придумал клятву Гиппократу?

– Нет, – помотал тот головой.

– Гиппократ и придумал, – слегка улыбнулся я, отметив краем зрения, что и князь едва в ухмылке лицо не растянул, по крайней мере весело сощурился точно. – Он клятву для медиков придумал, вроде как... в какой дом я ни войду, всех буду лечить, даже если кто не хочет и здоров, ну и там остальная дурь. А ещё он придумал, как челюсть вправлять. Это довольно просто... аккуратноенько вниз и на себя.

Слегка хрустнуло, отчего князь промычал, а челюсть встала нормально. Хорошо, у него не перелом, я пропальпировал, а классический вывих. Мне же легче. Пропальпировав мышцы челюсти, пока сам князь проверял и проводил языком по зубам да слегка челюстью крутил, я спросил у боярина:

– Кто будет отвечать за состояние князя? Нужно будет от-

слеживать его восстановление.

– Сам и будешь, – хмуро буркнул тот.

– Не-е, – протянул я. – Я не могу, дела есть. Да тут не страшно, я объясню, что делать, главное следовать указаниям, и проблем не будет.

– Слушай его, – тихо приказал князь, и боярин, явно набравший воздуха для крика, сразу сдупся и кивнул, внимательно глядя на меня, мол, слушаю.

– Значит, смотри, боярин, мышцы челюсти повреждены, и зевать или широко открывать рот князю противопоказано. То есть нельзя, если так понятнее. Снова будет вывих. Поэтому нужно наложить повязку, чтобы рот широко не открывался, по ночам обязательно, а то так во сне откроет, и вывих. Повязку ненадолго, на два дня, а лучше на три, этого вполне хватит. Ну, и не напрягать челюсть эти три дня. Каши, похлёбки, всё мягкое, жёсткое не давать. Потом уже, через недельку, можно спокойно есть без ограничений. Всё ясно?

– Да, ясно. Не сложно, – кивнул тот.

– Хорошо. Теперь будем вправлять руки. Это очень больно. Нужно обезболить, но у меня ничего такого нет, можно хоть хлебного вина, оно притупит боль, но и его у меня с собой нет.

За это время вокруг уже столпилась большая часть освобождённых людей. Кстати, один доложил, что убёгшие татары мало того что весь табун увели – а я там себе отличного

коня успел присмотреть, – что тверчанам принадлежали, так ещё раздели побитых мной и забрали всё ценное. Шустрые, однако. Ладно, кошели их у меня в котомке, как, впрочем, и всех побитых тут, отчего та пузатой стала. Так вот, один из купцов чуть ли не подпрыгнул и, крикнув, что у него есть хлебное вино, убежал, но быстро возвратился, протянув мне кувшин. Я стал осторожно, малыми дозами поить князя, пока не убедился, что достаточно, тот с охоткой пил, и, видимо, на голодный желудок его быстро развезло. Дальше, пока дружинники его держали, я опёрся босой ногой в подмышечную впадину лежавшего на спине князя и мягким движением, тут резкие противопоказаны, вставил правую руку на место, потом повторил всё то же самое со второй рукой, под мычание пострадавшего. А я попросил веточку принести, обстругав её, сунул в рот князю и велел сжать зубами, так ему полегче будет. Понимаю, что это тоже противопоказано после вывиха челюсти, но лучше так, чем никак. Когда я закончил, тот с трудом, весь в поту, вытолкнул обслюнявленную палочку языком, тяжело дыша. Дальше принесённой водой я лично обмыл тело князя, промыл раны тем же хлебным вином и посмотрел на тюк шёлка, что мне принесли вместо длинной материи, что я просил.

– А что, другого ничего нет? – уточнил я.

– Такое длинное только шёлк мой, – степенно сказал один из купцов. – Для князя не жалко.

Очень знаком мне был этот купец, причём тот тоже меня

узнал, с прищуром посмотрев, и кивнул, как знакомцу. Ещё бы, я на спор его лучника переиграл и серебряный рубль за это получил. На него сапожки свои и справил. Такие проигрыши купцы не забывают, вот тот меня и опознал, возможно, даже когда я ещё на поляну выходил, готовясь к драке. Это плохо, если я раньше планировал свалить так, чтобы меня потом не нашли и не опознали, то теперь этот купец сразу сообщит, где меня видел. Да тут рядом, на постоялом дворе, что в нескольких километрах находится. Жопа, конечно, но да ладно, кто предупреждён, тот вооружён. Правда, планы свалить по-тихому я не поменял, только с князем закончу и свалю, дальше сами, я им не нянька, и так из такой задницы освободил, и те это понимали. Надеюсь, что понимали.

После того как тело князя просохло, его приподнял и усадили, и дальше один из дружинников стал помогать мне. Сначала я сложил руки князя на груди, одну выше, другую ниже, и стал с помощником обматывать его торс крепко. За неимением гипса придётся создавать такую вот конструкцию, чтобы не потревожить и не нарушить восстановление. Ещё у пострадавшего было несколько порезов и рана, явно от сабли, видимо сам тот не давался, в бою пленили. Перевязал всё, мне необходимые холстины выдали, и я щедро промывал раны хлебным вином. Дальше я наложил страхующую повязку на челюсть, и князя на плаще отнесли к одной из повозок, где уже было подготовлено ложе, да дали напиться. Он уже пьяненький был, глаза помутнели, но нашёл в себе

силы и подозвал меня к себе.

– Как тебя зовут, отрок?

– Титом прозвали, – пожал я плечами.

– Кем будешь? На сына боярского похож.

– Не знаю, – и, заметив удивлённый взгляд, пояснил: – Полтора года назад очнулся с раной на голове среди трупов. Нападение бандитов на караван было, меня мёртвым посчитали и в овраг вместе со всеми сбросили. С этого момента себя и помню, что раньше было – темнота, память отшибло. Тут недалеко постоялый двор есть, там и проживал, дичь добывал к столу. Сказывают, что из Коломны был тот караван, хочу туда съездить, может, кто опознает меня? А по поводу боярского сына, сомневаюсь, думал уже об этом. Скорее всего, я сын одного из охранников каравана, я проверял себя, мечом учили владеть, и, судя по мозолям, луком тоже.

– А Андрей Евсеевич, хозяин постоялого двора, считает, что ты знатного рода, – влез тот купец, точно опознал, вот уж в чём не сомневался. – Ты читать и писать умеешь, на разных языках говоришь.

Заметив, что князь и бояре смотрят на меня, снова пожал плечами:

– Не знаю, откуда у меня эти навыки и знания, сами всплывают в голове. Также и бою на двух саблях тренировался.

– Подойди, – попросил князь, и я подошёл, тот кивнул одному из бояр, и тот протянул мне перстень, их сняли до того,

как начали пеленать торс князя, это был крупный перстень, золотой, с изумрудом, а князь сказал: — То дар мой тебе, Тит, за спасение от ворогов страшных и нехристей ордынских...

Голос начал слабеть, и договорить он не успел, и я понял, что он уснул, ещё бы, после такого, да ещё с хлебным вином. Пояснив это боярам, что заволновались, перстень я в свой кошель убрал, от таких даров не отказываются, а так он для моих пальцев велик, и, пользуясь стоявшей шумихой, отошёл за кустарник, где и скрылся, и побежал к своему лагерю. Кроме кошель, трофеев у меня и не было, одна сабля осталась, новую я подбирать не стал, не рискнул задерживаться, воспользовался возможностью удрать и сделал это. А саблю я себе ещё подберу, благо есть что купить, я же кошель срезал и у тех двух бояр из Твери, тяжёлые были. А сейчас доберусь до лагеря, и мыться, очень хочу. Тем более трясучка нервная напала наконец, это бывает, после боя это нормально. Позже свыкнусь, и такого не будет, а сейчас перетерпеть нужно, вот я, обняв ствол берёзы, и терпел, прижавшись к шершавой коре лбом. Тут и силы оставили меня, и я сполз на землю. Сейчас приду в себя, нужно только подождать. Как же меня трясёт, ещё и в пот бросило. Сердце бьётся как сумасшедшее. Хорошо ещё, не в лагере это произошло, там я нутужно казался уверенным в себе бодрячком, к счастью, успел уйти до срыва.

Ухнув в воду ручья, я только котомку снял и откинул ремень с саблей и кинжалом да пустыми ножнами от второй сабли и ножей, и так плюхнулся в ручей. С учётом того что тот был небольшой, перешагнуть можно, хотя для водопоя и годился, со спины стала набираться вода, перехлёстывая через плечи и обтекая по бокам, я стал затором, запруда получилась, и вода потекла вниз. Сначала с мутью из-за моего падения в ручей, а потом постепенно стала перемешиваться с кровью, и вниз стала стекать окрашенная красным вода с пузырями. Надо отмокнуть, да и помыться не мешало бы. Черпая красную воду ладонями, я, с шумом отфыркиваясь, отмывал лицо и волосы. Дальше продолжал лежать и балдеть в холодной воде, что достаточно быстро взбодрила меня и привела в порядок.

Та моя минутная слабость, что настигла при возвращении на место ночёвки, долго не продлилась, пару минут, и я, встав, пошатываясь, направился дальше. Постепенно силы возвращались, но окончательно они вернулись после этого купания. Так что, скинув всю одежду, включая сапоги, стал всё отстирывать, сидя на берегу. Кони паслись чуть в стороне, изредка с интересом поглядывая на меня. Закончив с одеждой и своей помывкой, занялся котомкой, осмотрел придиричивым взглядом, освободил её от содержимого и вы-

кинул, всё уже, придётся новую покупать. Саблю с кинжалом отмыл, почистил и протёр, ну ещё и маслицем конопляным протёр, чтобы не заржавела. Другого масла всё равно не было. Вот так и работал, пока на костерке весело булькал котелок, куда я только-только забросил крупы и кусочки вяленого мяса, решив сварить супчику, и размышлял о том, что произошло с час назад. Да, ничего себе экзамен я устроил. Не скажу, что я сейчас костерю себя мысленно последними словами да так же мысленно даю себе оплеухи за то, что решился на бой, наоборот, подобный бой – моя мечта ещё с прошлого мира, и когда возникла такая возможность, несмотря на некоторые сомнения в своих физических возможностях из-за возраста, я вышел на поляну и принял его, пусть тот и разбился на фрагменты. И на поляне бился, и в лес заманил татей, и снова на поляне, покрутиться пришлось, мышцы вон как болели, и тянуло болью некоторые суставы. Я просто сидел, занимаясь чисткой, и анализировал сам бой, покадрово его переживая и выискивая ошибки, пока всё свежо в памяти. Находил, как же без этого, и искал возможности исправить их, так накапливал реальный опыт. А ошибки были, на это указывали порез на шее, царапина скорее, ещё два пореза на левой руке, они даже не кровили, уже обработанные мной, ну и сильный синяк во всю спину. Я, когда щит снял, выбравшись из ручья, ахнул, мало того что тот треснул, так оказалось, в нём застрял обломок татарской сабли. Да что я скажу, это был единственный реальный

мой боевой опыт, в прошлом теле такого не было, все бои тренировочные и постановочные, включая фильмы, куда меня стали привлекать в последнее время как эксперта.

Помня, в каких временах нахожусь, я достаточно серьёзно отнёсся к своим ранениям, пусть они и были вроде как царапинами. С полным отсутствием на Руси медицины, любое осложнение может быть фатальным. Поэтому так тщательно промыл царапины хлебным вином и, мысленно махнув рукой на то, что для моего возраста алкоголь отнюдь не полезен, сделал солидный глоток вина для внутренней дезинфекции и чуть не поперхнулся. Солидная крепость, ближе к шестидесяти градусам. Так что на голодный желудок меня быстро развезло, земля вдруг начала качаться, я точно говорю, она, сам я стоял крепко на ногах, как никогда. В общем, раны обработаны, повязки накладывать нужды нет, не кровило, пусть подсыхают, но, когда двину в путь, наложу обязательно, да просто чтобы защитит от пыли и смеси грязи и пота, иначе заражение начнётся. Солнце вон как жарит, точно потеть буду. А так мне тут нравится, несмотря на многое непривычное в местной жизни и укладе. Например, те же клопы, ладно Андрей Евсеевич серьёзно к этому относиться, после каждого посетителя постельное бельё стирается и выбиваются матрасы, так что несмотря на многие попытки проезжих привезти эту гадость на себе, подобное зло быстро искореняется. Однако, как я слышал, на Руси клопы – это бедствие почище тараканов и татар, не только в деревнях,

и в солидных домах в городах бывают. Я же всегда держал свою комнату чистой, к тому же, нарезав нужных трав, пучками засушивал их и держал в своей комнатке-чулане, где постоянно был свежий воздух и приятный аромат, от которого клопы бежали как очумевшие. Да, эти знания по травам тоже из прошлого мира. Правда, тут, откровенно скажу, старик-травник, что меня учил, это семейное ремесло у них было, не доучил, всего полгода я у него постигал интересную мне науку. Умер он. Одиноким был, детей не было, видимо поэтому и решил передать мне всё, что знал. Я его сам хоронил, оплатил, в церкви служение заказал, ну и бабкам стол накрыл. Всё как полагается. Жаль, конечно, но основу он мне дал, дальше уже сам развивался по его записям и тетрадам, четыре года до попадания в это тело этим плотно занимался. Однако полноценным травником я себя не считал, наработанного опыта практически не было, лишь теория. Кстати, я умел и знал, как варить простейшие мыльные растворы, всё от травника, только на постоялом дворе не то что возможности не было всё это приготовить, просто руки не доходили, а жаль, я бы был не против жидкого мыла, тем более все ингредиенты вон под ногами цвели.

Поев горячего супчику под хрустящий подсохший ломтик хлеба, я немного пришёл в себя. Даже в пот бросило, так что, снова окунувшись, я отошёл чуть в сторону, где была тихая вода, что-то вроде заводи, и изучил своё отражение. Лёгкая рябь мешала, но ничего, и, хотя я свою новую внеш-

ность знал уже хорошо, всё равно с некоторым любопытством окинул себя взглядом. Видел я крепкого мальчишку с явно оформленной мускулатурой, а всё время после стирки я ходил обнажённым, одежда вон у костра на ветвях сохла, всё же кровь я отстирать не смог, блеклые пятна остались. Так вот, усиленная кормёжка, да с мясом, дала о себе знать, а если учесть и тренировки, то не удивительно, что я из того доходяги, коего привезли на постоялый двор с раной на голове, превратился в крепкого, накачанного парнишку с румянцем на щеках, хотя румянец, может, и от хлебного вина остался. Я уже протрезвел, после того как супу поел. У меня теперь были светлые волосы, симпатичные ямочки на щеках, обаятельная улыбка, голубые глаза и жёстко очерченный подбородок, пока ещё смягчённый детской припухлостью. А вообще все девчата у нас и в деревне считали меня симпатягой. Да, паренёк, тело которого я занял, действительно был симпатичен, и в будущем мне предстоит стать настоящим красавцем. Если доживу, конечно. А так изъянов у тела нет, все зубы целые, почти ровные – в общем, хорошее мне тело досталось, я не скажу, что недоволен, очень даже рад, могло быть и хуже.

Да, кстати, у меня уже и волосы в паху кучерявиться начали, под мышками тоже, уж извините за подробности. И это в двенадцать лет. Ну, или сколько там мне, я до сих пор не в курсе. В моём прошлом теле, помнится, это произошло в четырнадцать. Я понимаю, что все подростки развиваются по-

разному, просто отметил это как факт. Ну, и пока как мужчина я не состоятелен, никаких позывов не испытывал, но чуял, что вот-вот... В остальном пока готовность ноль. Думаю, сегодня я уже в путь не отправлюсь, а вот завтра с утра – это обязательно. Да и за луком нужно сбегать. И ведь неко-го винить, кроме как себя, сам же забыл запасную тетиву. Она ведь у меня всегда в поясном кошелье для всякой мелочёвки хранится, а тут кошель снял для починки, шов разо-шёлся, убрал его в чересседельную сумку, вот и осталась в лагере. Как будто рок. Понятно, что случайность, но всё равно неприятно. И запасную тетиву забыл, впервые за полтора года, и в этот же день порвал. Странные совпадения. Хотя чего только не бывает.

Дальше я накрылся одеялом, хотя лежал на попоне, всё же ходить обнажённым было слегка холодновато, особенно после омовения в ледяной воде, и, достав все кошельи, стал перебирать монеты, сортируя их. Кроме монет были разные украшения, серьги, перстни, кольца и одна подвеска, но не так и много. Вышло на пять больших кошельей, в трёх медь, в двух серебро. Золото было, четыре десятка монет, я их ссы-пал в один из кошельей с серебром. Потом все их убрал в од-ну из чересседельных сумок, лишь немного отсыпав сереб-ра и меди в свой кошель. Остальные, пустые да и кровью попорченные, прикопал под деревом. Точнее, засыпал лист-вой. Копать нечем было, а оружие портить не хотел. Потом подкинул дровишек в костёр, хворост хороший, хотя и при-

ходилось ломать его руками, у меня даже самого завалящего топорика не было, и следить, чтобы угольки не попали на одежду, развешанную вокруг костра, сушилась она так – теплом от него. Ну и сапоги с портянками тоже сохли.

* * *

Утром, спокойно оседлав коней и изредка морщась от боли в растянутых мышцах – последствия вчерашнего боя сказываются, – я выехал на тракт и, обойдя лесом заставы – нечего мне с пограничниками общаться, если они вообще целы, по крайней мере со стороны Москвы после нашествия татар, – и вернувшись на тракт уже на территории Тверского княжества, поскакал дальше. Если я видел кого вдали, то старался укрыться, не хотелось, чтобы меня в такой меченой одежде видели, а так ничего, двигался споро. Потом, чуть позже, у крестьян в одной из деревушек я сторговал неплохую рубаху и сильно ношенные штаны и наконец переоделся. Пусть крестьянская одежда, но мне было всё равно. Как будто я раньше в боярской ходил. Да нет, тоже крестьянская была, только сшита качественнее и материал дороже был. А так я скрыл лошадей и вещи, оставшись в одних штанах и босиком, и так посетил деревушку, а купив что надо, вернулся. Да и по дороге ехал хоть и верхом, но изображал простого крестьянского парнишку, скрыв саблю – замотал её в одеяло. Если что, кинжал на поясе, и пусть

он разукрашен самоцветами и серебряными накладками, я не беспокоился, да просто прикрыл его полой рубахи от чужих глаз. А узнав, где поворот на Дубну, я проехал мимо и направился прямо, путь мой лежит в Тверь, мне нужен был торг. Больно уж лошадки приметные были, вот я и надеялся продать их да купить себе нормальных рослых лошадей, каких тут хватало, одежды ещё, может, саблю справлю, да и вообще планов много было.

Те кошель с монетами я всё же брать с собой не стал. Всего один взял, остальные в дупле скрыл, если вернусь, заберу. По поводу же лука, я ещё вчера вечером за ним сбегал, после ужина. Всё на месте было, там, где и оставил в кустарнике, и лук, и колчан с остатками стрел. Тетиву я уже натянул, так что лук при мне. Заодно по следам посмотрел, как уехали освобождённые мной. Там просека проделана была, вот они вернулись на тракт, и дальше их следы терялись. Ну и ладно, молодцы. Единственно, жаль, они обообрали тела убитых мной татар и тверчан, а я хотел сабельку подобрать получше, сулицы. Хотя не надеялся, тут народ сметливый, кто же такое добро бросит. Просто прогулялся, убедился в этом.

А вообще дорога неплоха была, я бы даже сказал, не особо напрягала. К вечеру мне удалось добраться до Твери. Смог бы и раньше, но на самолёте, так назывался паром, была очередь. Ничего, оплатил и переправился на другой берег. Укреплена Тверь была плохо, да и было видно, что возводятся крепкие стены, но работы были далеки от завершения,

ров ещё копался, так что ничто мне не помешало проехать ворота. Дань тут за проезд конно снимали, налог за уборку улиц от конских яблок, так что, уплатив полушку, я оказался на территории столицы княжества. Первый постоянный двор я проехал, слишком грязно и шумно, видимо тут дешёвая ночлежка. Крестьян много. Поспрашивал у жителей, и один сообщил, где находится неплохая харчевня, там сдавали комнаты, клопов нет. На торг я уже не успел, свернули его, поздно, поэтому надеюсь утром побывать, мне много что прикупить нужно. По поводу же денег мне было что сказать. Оказалось, в эти времена с наличностью туго было, она имела, но на факт выходило, что её накапливали в своих руках бояре, и купцам, да и простому люду пришлось переходить или на обмен товаром, или на замену денег, мне она тоже попадалась, ракушки те же. Так что мои трофеи в наличных деньгах – это даже очень неплохо. Вон, за въезд в город крестьяне овощами платили, и стражники принимали, ничуть не смущаясь, как обычное дело.

Подсказка прохожего не подвела, похоже, харчевня что нужно, тут вроде как даже клопов не было. Въехав на заднюю территорию двора харчевни, хотя ей больше подходило название трактир, оно пока тут неизвестно, я спрыгнул с седла, подошвы сапог подняли небольшие облачка пыли, и ведя коня за уздечку – заводной шёл следом, привязанный к луке, – я подошёл к поилкам у конюшни, где и привязал коней. А вообще заезжать во дворы верхом было признаком дур-

ного тона, но это не касалось постоянных дворов, даже если они находились в городе. Вот на территорию частного двора, усадьбы, нужно только заходить, ведя коня в поводу, если верхом, оскорбление для хозяев. Это мне преподавали на постоялом дворе, где я жил, учили уму-разуму, после того как памяти лишился. Сейчас же я делал всё правильно. Вышедший из заднего выхода харчевни парнишка моих лет – лицевая сторона и парадный вход выходили на улицу, – окинул меня взглядом и, презрительно выпятив губу – ну да, в этой одежде я не смотрелся, – сказал:

– Мест нет.

– Что, совсем? – несколько удивлённо спросил я.

– Для тебя – совсем.

– Ах, вон оно что. Ну-ну.

Доводить ситуацию до конфликта я не стал, найду ещё, где можно переночевать. Тут тот стал искать глазами, где владелец двух лошадей, что стояли у привязи и жадно пили воду, после чего сбежал с крыльца, забежал через открытые ворота в конюшню, видимо искал его там, я же, мысленно хмыкнув, отвязал лошадей и, запрыгнув на основного, потрепал его по густой гриве, ударил пятками по бокам и не спеша направил к выходу. Роба у парнишки, что выскочил из конюшни, была на удивление глупой, когда тот взглянул в мою сторону. А вот стоявший на крыльце хозяин харчевни, что хмурым взглядом провожал меня, пальцем подманил его к себе. Что тот сделал, я не видел, уже выехал, но звук опле-

ухи расслышал отчётливо. Уже через несколько секунд тот конопатый пацан выскочил за мной следом и, лыбясь и перебирая ногами рядом, расписывал, какие у них комнаты и кухня. Хм, ну ладно, пацан по одеяниям решил, что я из крестьян, а хозяин-то местный как понял, что я серьёзный клиент? И тут, задев локтем рукоятку кинжала, я скосил глаза и только скривился, видимо, когда я на коня залезал, рубашка задралась, и кинжал стало видно, вот тот с крыльца его и рассмотрел. Ну, то, что одежда не состыкуется с самоцветами на рукоятке оружия, ещё можно как-то объяснить, например, в негодность пришла, купил что смог и переоденусь тут, что в принципе и было правдой, но отреагировал хозяин харчевни правильно. Это он молодец.

В общем, смог меня пацан уговорить вернуться, да и пожалел я его, чего уж, понятно, что ещё крепче ему влетит, что клиента прогнал, так что, вернувшись, проследил, как устроили лошадей в стойлах, и следом за двумя дюжими мужиками, что несли поклажу и сёдла, поднялся на второй этаж, а я лучший номер взял, и там всё оставили. Не знаю, за кого меня принял хозяин харчевни, увидев такой кинжал, но я решил поддержать его предположение. Да и комната большая, мне понравилась. Я проверил, клопов действительно нет. Дальше запер комнату просто на задвижку, нормальных замков тут не было, ни навесных, ни встроенных, их время ещё не пришло, но метки я поставил, и спустился вниз, где вполне неплохо поужинал. А заодно и заплатил за од-

ну ночь, за содержание лошадей тоже. Вернувшись, я стал сортировать всё, что у меня при себе было и что пойдёт на продажу. Откровенно говоря, мало что я при себе оставляю, фактически всё собирался продать. Даже тот медный котелок, коим пользовался. Он литра на три был, но сверху по краю треснут, оттого мне его по дешёвке и продали. Готовить в нём пищу можно литра на полтора, выше залить, так вытекать будет. Так что продам, да просто как металл, как утварь не возьмут, только на переплавку. Ну, или на починку. Вроде такие повреждения тут кузнецами, что работают с медью, убираются. Не знаю, я настроился уже на новую утварь. Ложку серебряную куплю, миску медную, а то деревянными ложками с деревянных тарелок всё питался, соли побольше, у меня закончилась, и, если получится, хотя и сомневаюсь, чаю. А то местные травяные чаи да разные сбитни и квасы уже как-то поднадоели. Я ничего не говорю про них плохого, я просто хочу нормального чая. Пусть из Китая, но нормального. А он есть, как он называется – «из-за Стены», торговцы из разных караванов рассказывали, но дорогой. Раньше я себе позволить его не мог, а сейчас легко.

В общем, я оставлял при себе ременную систему, соответственно саблю с ней и кинжал с кошелём. Пустые ножны от сломавшейся сабли и ножей убрал. Чёрт, как же жаль, что не было времени по-быстрому подобрать себе вторую саблю получше и ножи забрать. До сих пор из-за потерянных трофеев перекашивает, от одной только мысли о потерях жа-

ба душит. Ещё я оставил одно седло, хорошее, почти новое, явно сшитое для невысокого человека, для меня оно было как раз. Также отобрал один комплект чересседельных сумок, очень качественно сшиты были, да и несильно потертые, комплект бинтов и антисептика, только пополнить надо, сапоги да и эту крестьянскую одежду, хотя поначалу и планировал выбросить. Да пусть будет, для разведки стану использовать. Кто обратит внимание на бедного босого крестьянского парнишку? А одежды себе надо будет два комплекта купить, чтобы одна запасная была и не вышло, как с той попорченной одеждой, без смены оказался. Закончив всё перебирать, я поставил у двери табурет. Попытаются открыть, проснусь от грохота упавшего предмета мебели, сабля и кинжал под рукой, так что ещё посмотрим, кто кого, и после этого, умывшись, лёг спать. А тут сервис был, в кувшине вода из колодца, и свинцовый тазик с полотенцем, чтобы себя привести в порядок. Да, хозяин харчевни сказал, завтра баню истопят, можно будет посетить. Думаю ещё пока. Так что я влажным полотенцем протёрся, особенно вокруг ран, но считаю, пока не стоит, не до баньки. Вот раны заживут, там хоть сто раз. Тем более с нормальными баньками швах, я о постоялом дворе – топят по-чёрному. Жаль, я не мастер-печник, поставил бы нормальную дымовую трубу. Хотя старику-травнику я ремонтировал печь, в его старом доме в полузаброшенной деревне, точнее мы её полностью разбирали и собирали. Но это был мой единственный

опыт, не хочется попасть впросак, так что я промолчал и так и мылся со всеми в баньке по-чёрному. Да и ремонтировали мы тогда настоящую русскую домашнюю большую печь с лежанкой, неделю с ней возились, пока не сделали, а тут другие печки надобны. Если обмозговать да поднакопить опыта, то смогу делать, но опять-таки не до них мне пока.

* * *

Утром посвежевший после умывания, я спустился обратно в обеденный зал трактира, отнюдь не пустой, и, пройдя к отдельному столику – думаю, его держат специально для обеспеченных клиентов, тут даже скатерть была, я и вчера тут же ужинал, – устроился за ним. В этот раз я перепоясался своим ремнём с портупеей и с саблей на левому боку, под правую руку. Вчера я спускался без неё, и надо сказать, выпученные глаза посетителей, которые видели, как я сидел за дорогим столом, да ещё в крестьянской одежде, меня изрядно забавляли, как и их перешёптывания. А половой под прищелчком хозяина только и суетился у меня, подавая что нужно. Кстати, чаевые я дал щедрые, видимо этим окончательно подтвердил мысли трактирщика, что я знатного рода. А вот сабля на боку – это совсем другое дело. Тут к подобному спокойно относятся, имеешь, умеешь пользоваться, так носи, и слова никто не скажет. Правда, сабля у крестьянского паренька? Да, это тот диссонанс, на который многие об-

ращают внимание, отчего я и хотел побыстрее переодеться. Не люблю быть в центре внимания.

А завтрак был хорош, я заказал яичницу, кусок варёного свиного мяса и травяной чай. Хлеб был трёх видов, я взял татарскую лепёшку. Их в этом трактире тоже готовили, только из печи, с пылу и с жару. А когда закончил завтрак, чувствовал сытость, но не тяжесть, переедать я не любил, это способствует потере скорости при движении, а я старался быть готовым ко всему. По правде, желательно готовить самому да из проверенных продуктов, но я тут рискнул. Так вот, закончив завтракать, оставил оловянную кружку с остатками травяного чая на дне и подозвал хозяина, который быстро подошёл, внимательно глядя на меня.

– Я сейчас уеду, мне нужно знать, как у вас торг тут работает. Одежду хочу купить, а то моя в негодность пришла. Готовую, уезжаю сегодня в Новгород, поэтому швея не подходит. Ещё лошадей хочу продать и одно седло. То, что получше, себе оставляю. Да и лошадей хочу себе прикупить, хороших верховых.

– Торг у нас один, на другой стороне Волги. Одежду справную можно купить или у Кривого Васюты, он лавку держит на торгу, или у купца Разумова, там тоже одеяния богатые продаются. Для отроков тоже найтись может. Лошадей стоит предложить Ромали Лошаднику, скажешь, от меня, он хорошую цену даст.

– Цыган? – уточнил я национальную принадлежность ло-

шадника.

– Да, но это наш, из остепенившихся. Хитёр, но со своими честен.

– Понятно. Тогда номер я до обеда пока сохраню, у меня там вещи, а мне к полудню приготовить корзину припасов в дорогу. Вино хлебное есть?

– А как же!

– Кувшин его. Яблочное?

– Вот этого нет, давно с Киева не привозили, но есть вишнёвое вино. Вчера новую бочку открыли, вкусное.

– Хорошо, вишнёвое тоже подойдёт. Сколько с меня за завтрак?

Расплатившись, я дополнительно сунул хозяину харчевни серебряный ногат из трофеев, тот понял, это плата за информацию, что я получил. Работники спустили вещи вниз, где во дворе уже ожидали оба коня. Быстро оседлав одного, вещи загрузил на второго, и так повёл со двора на улицу. Вверх спустился к берегу, где стоял деревянный пирс, моста тут не было, пришлось ожидать, пока с другого берега придёт паром. Ждать пришлось долго, от Москвы по реке сплавлялись две ладьи, и ещё одно судно поменьше следовало за ними. Ага, это ушкуй, как я подслушал из разговоров других путников, что желали перебраться на другую сторону. Канат опустили в воду, ожидая, когда пройдут суда, ну а когда те прошли, полчаса ждали, канат натянулся, и под скрип блоков, где работало трое дюжих мужчин, загруженный паром

направился в нашу сторону.

Оплатив доставку в размере одной полушки и заведя коней на доски паромы, поставил их впереди чуть с краю, таких верховых тут хватало, но больше всего пеших горожан было, я стал ожидать, пока мы дойдём до другого берега. Матросы торопились, по реке поднималась очередная ладья. К счастью, долго ждать не пришлось, и под громкие крики чаек, что летали вокруг, гадя кому как повезёт, мы добрались до места, там я снова вскочил в седло и, поднявшись по песчаному берегу к одной из улиц, вскоре оказался на торгу. Первым делом я распродался, оставшись один, но при деньгах. Не зря я хозяину харчевни платил за информацию, столько времени сэкономил, всё произошло быстро и я, несмотря на то что отдавал всё со скидкой, остался вполне доволен. Купил тут же котомку и туда убрал оба кошель, один полный и один с монетами, что получил после сегодняшних продаж. Вот теперь стоит заняться покупками. Крепко удерживая кошель пальцами через матерчатый бок котомки, а то так срежут, и не заметишь, и двинул заниматься теперь уже покупками. То, что вес у кошель есть, понятно, но есть такие спецы, что сработают – не сразу и поймёшь, что обворован. Вон, я пока расторговался, трижды слышал крики – держи вора! Даже поддержал, сам покричал. Так что с преступностью тут, конечно, надо бороться, но бумажник нужно держать во внутреннем кармане.

Я сначала хотел было коня купить на месте, но нормаль-

ных верховых у Ромали Лошадника не было, зато тот подсказал, что недавно на торг привели на продажу верховых лошадей. Не простых, явно боевых, да и продавали не простые люди. Какие, тот не сказал, но описал, где их найти, тут недалеко. Я сразу направился туда и, издали разобрав, кто торгует нужными мне лошадьми, свернул в первые же ряды, они оказались оружейными. У меня чуть сердце из груди не выскочило, и я получил изрядную дозу адреналина, надпочечники так и работали, когда рассмотрел татар. Одного я сразу узнал. Это один из недобитков позавчерашних, когда я князя освобождал и с дыбы снимал. Точно они. Вот, значит, куда мой табун отогнали? Жаль, мне туда не сунуться, опознать могут, придётся искать других лошадиников, а пока по ряду прогуляюсь, раз невольно оказался тут. Может, действительно что интересное найду? Хотя я предпочитаю добывать оружие в бою, оно так бесплатно достаётся. Трудом и кровью, но бесплатно. Правда, тут ещё бабка надвое сказала, что может попасть какое достойное оружие, в основном сабли у татар так себе выделки. Хотя, может, это я такой разбалованный? Ладно, саблю не куплю, так мне много что надо, вот и справлю всё, что требуется. Вот так, придерживая саблю за рукоять, чтобы не колыхалась при движении, я подошёл к первому же прилавку и с интересом изучал ассортимент.

Первоначально я решил, что продавец за прилавком и есть кузнец, что выставлял свои поделки на продажу, но по-

том понял, что это лишь маскарад, или сценический костюм, коим ловкий, языкастый, обаятельный парень создавал антураж для расхваливания товара. В будущем, где мне приходилось жить, таких называли эффективными менеджерами. Он надел прожжённую в мелких дырочках одежду и большой кожаный передник, закрывающий также грудь. То есть с виду типичный кузнец, однако от него так стало веять искусственностью, что я бы не удивился, если бы кто его подёргал за бороду, и выяснилось, что та приклеенная. Кстати, тот хоть и скосил на меня взгляд, его внимание привлекала сабля, но продолжал прессинг очередного клиента из зажиточных горожан. Довольно грубоватый, я сам в прошлом бизнесмен, понимал, что тот делает, хотя мой опыт в бизнесе пусть и касательный, а я мало занимался бизнесом, всё решали мои директора и, надо сказать, решали как надо, доход только рос, а соответственно и зарплата и премиальные таких менеджеров. Так вот, прессинг грубоватый, но для не избалованных цивилизацией аборигенов это был серьёзный психопрессинг. В общем, меня подобным не проведёшь, а вот горожанин явно стал плыть, и взор его затуманился. Не каждый на это поведётся, но такие ловчи́лы легко распознавали тех, кого можно обвести вокруг пальца, видимо этот горожанин относился к таким людям.

Встав к подпорке навеса соседнего прилавка, я с легкой улыбкой наблюдал, как тот работал. Ну что я скажу, ностальжи. Мне пару раз доводилось встречаться с подобными опас-

ными людьми. Некоторые их не встречают за всю жизнь, а бывает, нос к носу столкнёшься и не узнаешь. Причём продавец соседнего прилавка, можно сказать даже лавки, с таким же не меньшим интересом следил за обработкой очередного клиента, явно понимая, что происходит. Сам я интереса у этого продавца не вызвал, так что с любопытством посмотрев, как оболваненный клиент достаёт кошель, чтобы оплатить явно ненужную ему вещь, покосился на продавца, рядом с прилавком которого стоял, и окинув часть ассортимента, не всё я видел из-за малого роста, на две головы ниже обычного взрослого мужчины, когда сто восемьдесят уже считается очень высоким ростом. Задумчиво повторно пробежавшись по прилавку и старой сети, на которой были подвешены разные металлические изделия, я задал вопрос, которого кузнец явно не ожидал. А в этот раз продавцом был явно сам творец того, что я видел. Тут по множеству мелких деталей это достаточно ясно. А вопрос мой прозвучал так:

– У вас есть метательные ножи?

Тот с лёгким удивлением окинул меня взглядом, на миг задумался и уверенно кивнул, достав то, что меня интересовало. Ножи были разные, от достаточно тяжелых до лёгких, как бабочки. У каждого типа по форме и весу были свои плюсы и минусы, я же после нескольких минут раздумий отобрал себе пять штук. К сожалению, больше подходящих я не нашёл, хорошо, что хоть эти были. Кроме метательных ножей я взял себе обеденный и, да, серебряную ложку. Прав-

да, кружки и тарелки у того не было, не его специфика, да и ложка была пробной, но мне она понравилась, не ложка, половник, поэтому и купил. Ещё я стал отбирать себе охотничий нож. Вот с этим имелась некоторая трудность. Первый попавшийся нож мне был не нужен, тут выбор зависел от формы рукоятки, с каким удобством в ладонь ложится, до клинка и состава металла. Однако ничего, всё же нашёл. Причём соседний продавец-маргинал, что уже раздел лоха на достаточно крупную сумму, пыхтел от возмущения и делал знаки внимания в мою сторону, явно зазывая к своему прилавку, но я не обращал на него внимания.

Сам кузнец, к которому я обратился, специализировался на ножах и разной мелочёвке. Причём он продавал не только свои изделия, но и перепродавал работу других мастеров. Например, ему приносили на починку или продажу тот или иной предмет. Он выкупал, ремонтировал и продавал с наценкой. Так было и с небольшим топориком, который очень привлёк моё внимание. Отличное топориче из орехового дерева, но сам металл топорика, который очень сильно походил внешним видом и дизайном на обычный советский туристический топорик, меня заинтересовал. А мне нужен был такой инструмент по хозяйству, вот я и изучал его, вот только мастер-кузнец, что его создавал, явно делал его боевым, а не для хозяйства. А металл был смесью меди, немного олова, чуть-чуть оружейной стали и ещё неизвестного мне металла. Металл слегка на чёрную бронзу походил, но ею не являлся.

Звенел от касания ногтя, как церковные колокола. Однако по крепости топор мог поспорить с оружейной сталью. В общем, топорик мне понравился, и я его купил, выложив шестнадцать серебряных монет. Это немало, но если учесть, что изначально продавец просил двадцать, скидка после торгов вышла знатной. Вот так я приобрёл и оружие, и отличную вещь по хозяйству. Кстати, у него же я приобрёл два немного жутковатых на вид крючка, такими раны шили, вещь нужная, взял. Дальше в соседних рядах несколько травников работали, нужно прикупить у них шовный материал из бычьих кишок. Это мне кузнец подсказал, что иглы продал.

Котомка изрядно потяжелела из-за покупок, я на пояс лишь охотничий и обеденный ножи повесил и, подумав, ещё и ложку, та своим серебристым цветом давала понять, что я не так прост. Так многие делали, вот и я решил показать, что не стоит по одежке судить. После травников, я там только нить купил, заглянул к одному из купцов, что торговал одеждой, одному из тех, кого посоветовал трактирщик, я действительно очень быстро, чуть ли не мгновенно, обзавёлся двумя комплектами одежды и двумя комплектами обуви для них. С примерками всего час заняло, и я вышел из лавки с дополнительным мешком и изрядно похудевшим кошельком. Профессионализм местного приказчика был виден, ещё когда я зашёл в лавку и сообщил, что от нашего общего знакомого – хозяина харчевни. Тот первым делом узнал, какого я сословия. А это очень важно, и вопрос был поставлен пра-

вильно. Так крестьянин не мог носить одеяния горожанина, горожанин – мастерового, мастеровой – воина, воин – купца, купец – боярина, боярин – одеяния князя. У каждого сословия свои рамки, за которые заходить нельзя категорически, правила тут такие, которым многие следуют. Обратный отход возможен, например, когда меня приняли за сына боярина в одеяниях крестьянина, бывает, потерял одежонку да надел то, что под рукой. Но никогда крестьянин не наденет одеяний бояр. Засекут, могут и насмерть. Я сказал, что сын сотника ополчения, это не дворянское звание, но и не простой воин, причём намекнул, что отец у меня удачливый воин и серебро и даже золото в его кошельках звенит. Так что мне подобрали одежду по моему статусу. Как и собирался, я взял два комплекта, один для выхода, поприличнее и сшитый из неплохого материала, и чуть попроще и заметно крепче, его можно отнести к дорожным костюмам, и планировался он мной для постоянной носки. Шапки в цвет костюмов. Вся одежда и исподнее под неё летнее.

Посчитав оставшиеся монеты, прослезился. На лошадей уже не хватало. Что-то я больно размахнулся. Вроде и не купил ничего, а уже половину общей суммы, что была при мне, как корова языком слизнула. И, кстати, сейчас я прогуливался в одеяниях служивого, в таких дружинники ходили или наёмные вои, которые нанимались в охрану разных караванов. Только одет я был богаче. Теперь сабля у меня на ремне не смотрелась так дико, как это было ранее. Я даже временно

слугу-носильщика нанял, чтобы носил мои мешок и котомку, а я гордой поступью следовал впереди. В общем, вернулся я к Ромали Лошаднику. Тот окинул меня заинтересованным взглядом и поинтересовался причиной моего прихода. Была такая причина. Среди табуна, что выставляли татары на продажу, был и тот вороной рысак, которого я заметил ранее, ещё когда уничтожал охрану. Его тоже продавали. Но пока потенциальные покупатели не подходили, их отпугивала ненормально высокая цена. Я же, узнав, что цена за коня была назначена вместе с очень богато украшенной сбруей и седлом, решил, что мне последние не нужны, а интересуется именно сам конь. Седло у меня и так есть, а сбрую я у того же Ромали Лошадника прикуплю, тот тоже ими торговал. Вот это я и объяснил Ромали Лошаднику, чтобы тот выступил посредником, приобретая коня неизвестному покупателю. Личину тот мою не должен был открывать. Сообщив, за какую цену я бы хотел выкупить коня, выдал Ромали нужную сумму. Всё, что сострогает, стараясь снизить цену, будет его. Час отсутствовал Ромали Лошадник, но появился, сияя улыбкой до ушей, хотя и был довольно усталым. Видимо, торги чуть не перешли из словесной в кулачную битву. А может, и перешли, откуда мне тут на задворках торга, где в основном находились загоны для лошадей, было это узнать? Однако дело сделано, и конь теперь принадлежал мне.

Я осмотрел коня, принимая его, но тот был в порядке, пара царапин и потёртостей от плохо уложенной попоны не в

счёт, это я и сам залечу, есть нужные мази и средства. Всё из знаний будущего, знаний травника. Дёготь тоже помогал, его в эти времена повсеместно применяли, даже для лечения людей, но эффект тут минимальный, можно даже говорить про эффект плацебо, если кому понятно это словосочетание. С копытами тоже всё в порядке было, подковы свежие, даже чищенные, видимо татары провели предпродажную подготовку, то есть старались выставить товар лицом, чтобы поднять его цену выше. Так что наш осмотр с Ромали прошёл благополучно. Да он бы больного коня и не привёл, у нас такая договорённость была, плохого коня не брать, взять что другое. Но, к счастью, с конем было всё в порядке. Седла и уздечки не было, выкупили мы саму животину, а татары пусть дальше мучаются и сбывают их, всё же те для довольно взыскательного покупателя, у которого водится в кошеле золото. Дорогой товар.

Ромали снял с шеи коня верёвочную петлю, и я, накинув уздечку, застегнул сбрую. Пока цыгана не было, я успел перебрать весь выставаемый им на продажу товар и выбрал подходящую уздечку, помня размер головы коня. Так что свой процент тот снял, за сбрую я отдельно заплатил и повёл коня за собой, да прямо по рядам, никого этого не возмущало, тут и не такое видели. А слуга с мешком и котомкой шёл следом. Пусть тот тяжести таскает. Жаль, заводного коня купить не удалось, но я и так считал, что получил шикарный подарок. А заводной у меня ещё будет. Да и вообще стоит подумать

о приобретении грузовой повозки с двумя тягловыми конями. Стоит вспомнить о бочке с порохом, ящиках с будущими ружьями и пистолетами, пока там заготовки лежали, так становится понятно, телега нужна. Не сейчас, буду возвращаться на территорию Московского княжества, вот тогда обязательно приобрету. Конь мне достался крепкий, сильный, сам я не такой и тяжёлый, думаю, увезёт всё моё имущество. В кошеле осталось пару серебряных монет, одна из которых новгородская чешуйка, вторая – казанский ногат, да с полтора десятка медных монет, вот я и решил их потратить на дальнейшую подготовку. Хотя бы мелочёвку приобрести. Я сначала приобрёл два медных котелка, оба с крышкой. Одна серебряная монета на это ушла. Утварь брать я не стал, денег уже нет, и из котелка похлебаю. Ложка имеется. Один котелок побольше, литра на три с половиной, второй меньше, на два. Их друг в друга можно было сложить, что я и сделал. Как таковых походных чайников тут не было, а если и были, то слишком большие и дорогие, путники для приготовления травяных чаев использовали те же котелки или отдельные, как у меня. Правда, свой котелок, тот, что поменьше, я купил не для чая или какого другого блюда, хотя такой возможности я не исключал, а для приготовления отваров и будущих мазей. Травник я или погулять вышел? Раньше возможности заниматься этим интересным делом у меня не было, а сейчас почему бы нет? Поэтому нужны инструменты. Денег на них нет, но первую покупку совершил, одну из самых важных,

вот этот котелок.

Потом я у кузнеца, у него малая кузня тут в рядах стояла, чтобы быстро поправить или что сделать по желанию заказчика, заказал пять рыболовных крючков. Пора вносить это новшество в мир, тут подобную рыбалку на удочку не знают. Сети, бредни да разные ловушки, напоминающие плетёные корзины, забыл, как они называются. Сначала нарисовал их на вощёной дощечке в полную величину разных размеров и сразу оплатил полностью заказ. Тот только так работал. Ну, а я пошёл дальше, пока тот делом был занят. У торговца восточным товаром я приобрёл моток шёлковой нити. У меня и раньше такая нить была, ещё весной в прошлом году весь заработок потратил на тридцать метров этой нити, у проезжих торговцев брал. Только я уже использовал её. Куда? Да зубы чистить, куда ещё? Не хотелось бы из-за застрявших кусочков пищи получить кариес или нечто подобное, вот и озаботился. Как таковых тут нет средств ухода за зубами, ну кроме мощных тисков для вырывания заболевших зубов. Но в моём случае я это исправил, чистил зубы расщеплённой палочкой, имелась также заострённая, которую я поправлял ножом, и вот ещё нить, так что зубы я держал в порядке. Теперь и зубную пасту можно будет сделать, а вот нить уже сейчас нужна, моя ещё недели две назад закончилась, как я ни экономил. А вот для рыбалки я приобрёл другую нить, хлопчатую, пропитанную специальным средством на основе древесной смолы. Эту нить используют сапожники, и она очень

крепкая и, главное, особого запаха не издаёт из-за пропитки, рыбу, надеюсь, отпугивать не будет. Взял два куска по пять метров. Немного свинца прикупил для грузил. А вот поплавков буду вырезать из деревяшек на месте.

Потом я приобрёл одеяло, моё старое с пятном и прожжённой дырой – это уголёк попал – я ранее продал, вещь нужная. И да, взял новую попону. Старую я тоже продал, не будешь же укладывать седло прямо на спину коню? Нет, тут попона нужна. Кстати, коня я назвал Вороном, очень тот мастью походил на эту птицу, даже имел некоторый фиолетовый отлив, шкура так и лоснилась тьмой. Причём тот имел отметку для опознавания, всё же не полностью чёрным был, белое овальное пятно на левой бабке имел. Я вообще удивляюсь, как татары решились привезти боярского коня в Тверь, его же по этой отметке с ходу опознают и будут задавать неудобные вопросы, в той же пыточной, однако нет, те или просто не знали, или наплевали и продавали коня как своего. Именно поэтому Ромали по моей просьбе замазал пятно дёгтем, а я постарался убраться из города как можно быстрее. Закупить всё что нужно и валить.

Также в рядах я взял деревянную кружку, чай-то нужно из чего-то пить, на металлическую уже не хватало, взял соли полкило, хорошая соль, да ещё перемешанная с перцем, и вот такую смесь я приобрёл, мешочек травяного чая нашёл, крупы взял двух видов, сушёного гороха немного, вяленого мяса и подобие сухарей, только из лепёшек. Стопку себе

отобрал. Денег не осталось, пару медных монет, а мне ещё выкупить корзину с продовольствием у трактирщика нужно. Однако НЗ у меня всё же имелось, золотой перстень. Нет, не тот, что мне князь подарил, такими подарками не разбрасываются, этот перстень был из татарских трофеев. Не особо серьёзный, так, дешёвка, но я надеялся хоть что-то за него выручить. О, никак фляги продают? Надо посмотреть.

Двигаясь между рядами и покупая ту мелочь или другую, я зорко поглядывал по сторонам, мало ли кто из ордынцев решит тоже тут погулять. Теперь меня, конечно, сложно узнать, но я всё же остерегся. Пару раз в другом конце рядов мелькали знакомые стёганные халаты и лисьи шапки, но я успевал уходить в соседние ряды. Рисковал, конечно, но без покупок покинуть торг я не хотел. А с перстнем я поступил так, обратился к купцу из восточников и обменял его на серебро. Немного, с полтора десятка монет получил, но зато и деньги теперь есть. Подумав, я всё же вернулся к Ромали Лошаднику, и тот подобрал мне справных коней, тягловые, хорошие и молодые кони, и отличную повозку. Крепкую, с высокими бортами. Я сложил туда поклажу и, расплатившись с Ромали и слугой, что носил вещи, привязал Ворона к задку и покатил к переправе. Всё, что необходимо, я уже купил. Готовые крючки забрал, убрав в берестяной туесок к остальным рыболовным принадлежностям, правда их пришлось поправлять. Зацепы не очень получились, но ничего, кузнец сделал, не особо интересуясь, для чего они мне нуж-

ны. Да, я купил ещё и лопату. Пусть и деревянную, но зато по кромке обитую железом, копать можно, хотя и осторожно. Также я купил дерюгу, она тут заменяла брезент, и накрыл все покупки в повозке. Там же были два мешка овса и торба, чтобы кормить Ворона, тот на овсе вскормлен. А вот тягловые нет, эти на травяной пище. Из покупок ещё стоит упомянуть разве что приобретение двух десятков наконечников для стрел, охотничьих. Древки я и сам сделаю. Ну, ещё денег хватило на восемь нормальных готовых стрел, взял, чтобы пополнить изрядно потраченный запас. Но остальные точно сам сделаю.

Перебравшись на другой берег, я подкатил к харчевне и въехал на задний двор, где меня уже ждала прислуга, да и хозяин вышел. Дальше вещи спустили из комнаты, седло я накидывать на Ворона пока не собирался, у него на спине мазь, у травников купил, один состав мне был знаком, хотя тут не совсем правильно её варили, приобрёл и намазал. В общем, в повозку седло убрали, ну и получил корзину еды, и остальные заказы были выполнены. Горшки с хмелем на месте. Так что, расплатившись, я покинул дворик харчевни и покатил к выезду из города. К счастью, на моего коня никто не обратил внимания. Пятно на бабке хорошо было скрыто, так что, благополучно покинув столицу княжества, я показывал по той же дороге, по которой и въехал в город. Искать попутный караван в сторону Дубны я не стал, думаю, и сам доберусь.

Так и оказалось, путь вышел без приключений. Лишь к вечеру, отъехав подальше, думаю, километров на тридцать, тут и лошади свежие, и повозка не такая загруженная, я остановился на берегу какого-то ручья подальше от дороги. Распряг лошадей, напоив их и обиходив, скребок и щётку я тоже для этого купил, и пока те стреноженные паслись, у Ворона торба была на голове с овсом, я перебрал вещи в повозке и переложил так, как мне это удобно. Сам я ещё в городе переоделся в походную одежду, сабля на боку, лук охотничий под рукой, пока нормально. Но сейчас я решил горяченького поесть. Корзину я наполовину опустошил, пока ещё ехал, кувшин молока весь выхлебал, а сейчас травяным чайком себя решил побаловать, с пирогами, что остались ещё в корзине. Один с рыбой и один с капустой были.

Костёр уже разгорелся, котелок, что я поставил на него, дужек не имел, лишь две ручки по бокам, как у кастрюли, предполагалось ставить его на что-то вроде жаровни, я так и сделал, нашёл камни на берегу небольшие, округлые, с мой кулак размером, сложил их и поставил котелок, а под ним и костерок развёл. Пока вода закипала, скинул верхнюю одежду, достал саблю и кинжал и стал тренироваться, не стоит пропускать занятия. Мышцы ныли, конечно, во многих местах, однако ничего, неплохо поработал. Потом снял котелок с костра, а сделал я это специальной деревянной рогатиной вроде ухвата, я её вместе с котелками купил, к обоим подходила. Ну и, налив кипятку в стакан, бросил заварки и оста-

вил воду остывать, накрыв крышкой. Утром солью её в новенькую флягу, пить сырую воду в разных местах я всё же опасался, мало ли к чему это приведёт, вплоть до кишечных заболеваний, так что только проверенные места для взятия воды. Те же колодцы, родники, но не так из обычного ручья, что незнамо где берёт своё начало и кто что в него сливает. Я для того вишнёвое вино и купил, да чтобы разбавлять, если нет возможности вскипятить.

* * *

На следующий день я к полудню оказался у довольно крупного села на берегу Волги, до места назначения ещё сутки пылить по местным дорогам, тем более я двигался с небольшим караваном, что направлялся в Дубну. Купец, владелец трёх повозок, как раз был оттуда, а ехал он от Торжка. Я всё же решил, что путешествовать в одиночку слишком опасно, мне случайно попался этот купец, и я присоединился к нему. Не платил за место, более того, сам сообщил, что стану охранять, саблю тот и так видел, а лук не произвёл впечатления, охотничий. Правда, всё равно не понадобился, двигались без происшествий. Кстати, я уточнял у купца, почему он возит товар на телегах, по реке и быстрее было бы, и безопаснее. Тот ответил коротко: на свою ладью ещё не заработал. Двигались мы почти весь день, я привязал поводья к задку двигавшейся впереди подводы, а моя шла замыка-

ющей, а сам нарезал круги на Вороне. Оседлал его и давал разогнать кровь лошадиную. Я ещё был плохо знаком с Вороном и старался уладить это побыстрее и хорошо, ну и чтобы тот узнал меня и признал хозяином, купленные морковки и те лепёшки-сухари очень хорошо способствовали этому делу. Так что мы были вроде разведки, я изучал дорогу впереди, проверял подозрительные места и галопом возвращался к каравану. Мои вещи в повозке не трогали, я проверил, пометил, как что лежало, точно не трогали, да и самое ценное находилось в чересседельных сумках на Вороне. Охотой я не занимался, было что есть, хотя еда из корзины и подошла к концу, одни горшки, запечатанные воском, остались, с вином внутри, вишнёвым да хлебным. Я уже был в курсе, мы заедем в село и встанем на постой в местной харчевне, этот купец тут всегда останавливался, по этому пути не в первый раз ходит, всё знает, ну и я решил присоединиться, хотя из денежных средств после всех покупок в Твери у меня осталось шесть новгородок и три полушки. Вот в этой харчевне я и узнал новость, что заставила меня выругаться. Пусть и мысленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.